

Рихард Рудзитис

БРАТСТВО ГРААЛЯ

~~~~~  
~~~~~

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ГРААЛЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ГОРЫ - ОБИТЕЛЬ БОГОВ

ЛЕГЕНДА О КИТЕЖЕ

БЕЛОВОДЬЕ

Пресвитер Иоани

Путешествие Аполлония Тианского в Индию

"Храм Жизни" по свидетельству Лао-Дзина

Голос Востока

Белый остров

Шамбала

Позванные Братством

Начало пути

Приход Христа

Путь к Братству

~~~~~  
~~~~~

"Братство Грааля занимает особое место в творчестве Рихарда Рудзитиса. Это труд, которому он посвятил более двадцати лет и который в полном смысле этого слова сжигал его до последнего дня жизни, так и оставшись незавершенным. По дневникам писателя видно, что он жил этой темой изо дня в день - и в пекле Второй мировой войны, и во время

пятилетней ссылки в Сибири, и в конце жизни в Риге, когда болезнь шаг за шагом снедала тело, но дух старался выразить невыразимое. Это было миссией его жизни, одним-единственным всепоглощающим стремлением сказать Слово о Братстве.

Работа над этой книгой началась в середине 30-х гг., когда духовные пастыри, оккультисты, так называемые эзотерики и псевдотеософы всех мастей уже успели настолько исказить некогда святые понятия, что у здравомыслящих людей они вызывали лишь аллергию и неприязнь. Остановить поток грубых и приземленных толкований – такова была цель Рихарда Рудзитиса, когда он приступал к освещению этого сокровенного вопроса.

Удалась ли эта книга? Логический ум может найти в ней немало пищи для критики. Она не выдержана в едином стиле; временами стихия сердечного чувства затмевает необдуманный ряд фактических обоснований. Но есть одна вещь, которая ставит эту книгу над всеми сочинениями такого рода: это глубочайшая боль, которая пронизывает каждое написанное слово, – боль от невозможности высказать несказуемое. Величие Рихарда Рудзитиса в этой книге проявляется в его способности выдержать эту боль до конца, привести читателя к тому рубежу, за которым "мысль изреченная есть ложь", и не поддаться соблазну переступить его. Искренность автора вызывает глубокое сопереживание со стороны читателя, отзывается в его душе тончайшим трепетом, неизменно сопутствующим каждому подлинному прикосновению к этим надземным предметам.

Такой подход имеет огромное значение именно сегодня, когда вместе с духовной открытостью и атмосферой свободы в эти предметы привносится так много безвкусицы и вульгарности. Число истолкователей духовных реалий растет день ото дня, но благородное с виду желание некоторых из них как можно скорее и подробнее публично поделиться всеми своими познаниями в этой области – само по себе отнюдь не является признаком внутренней духовности, которая единственная дает право говорить о сокровенном. Этот глубочайший пласт жизни неохватен для экзальтированного восторга, ослепленного внешним сиянием, и не

близок творчеству составителей пунктуальных отчетов, "кто есть кто" в духовных сферах, ибо в духовном мире степень истины обусловлена степенью чистоты сердца. И с этой точки зрения труд "Братство Грааля" полностью подтвердил проницательность Е.И.Рерих, так обратившейся к Рихарду Рудзитису при начале этого труда:

"Считаю, что книга эта не только полезна, но именно необходима... Ваше чувство красоты и присущая северным народам чистота восприятия уловит тончайшие тона и звучание Разума Света, окружающего Обитель Всеобъемлющего Сердца. Вы сумеете сочетать Торжественность и Мощь с нежнейшими оттенками. Мы доверяем Вашему чутью, Вашему сердцу, Вашему устремлению к Вершинам прекрасного".

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ГРААЛЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Какой душе, чуткой и музыкальной, не дарил мгновений высочайших переживаний величественная драма Вагнера "Парцифаль"? Кто, слушая музыку сфер в сцене Страстной пятницы, не ощущал благоговейного трепета в сокровенной глубине своего сердца? В чьей душе появление и воспламенение чаши Грааля не пробудило хоть на миг самые лучшие, самые пламенные, самые неисполнимые мечты?

Сердце в такие мгновения чувствует: происходящее - это не просто взлет фантазии поэта, здесь проявляются мощные основы какой-то великой несказуемой реальности. Но где и что есть эта реальность, об этом наш разум, увы, молчит.

Трудно сказать, породила ли какая-нибудь другая легенда столько мыслей, переживаний и толкований, как легенда о Святом Граале. О ней написаны буквально горы книг. Какие только теории не создавались о происхождении самого сказания, о

понятии Грааля и о Братстве Грааля! Все это свидетельствует о том, с какой верой и с каким благоговейным переживанием подлинной реальности воспринималась эта легенда.

Прославление Грааля берет начало в сумерках средневековья, в XII-XIII веках, когда начались крестовые походы против "неверных" и Запад впервые непосредственно соприкоснулся с Востоком. Именно тогда расцвел Жар-цвет чаяний всех идеалистов - Великая Красота, что вскоре породило и противовес - инквизицию, стремившуюся заглушить каждый проблеск света в человеческом сознании.

Самым древним из дошедших до нас воспроизведений легенды о Граале является роман Кретьена де Труа на французском языке; это сочинение использовал Вольфрам фон Эшенбах в своей величественной поэме о Парцифале, а также многие другие авторы. В Англии эта легенда слилась со сказаниями о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. Трубадуры и народная поэзия средневековья также воспевают Грааль как самое возвышенное и сокровенное понятие. Так, например, Рейнмар фон Цветтер называет чистую женщину молодым Граалем. Для поэта его возлюбленная Грааль сердца. Деву Марию сравнивают с Граалем. Именем Грааля называют даже замки, празднества и т. п. *1*

Что же представляют собой первичные элементы этой легенды, то общее, что отражается в произведениях поэтов о Граале?

Где-то, по одному преданию - в Испании или на юге Франции, по другому - в стране древних кельтов, Ирландии, по третьему - далеко на Востоке, высится неприступная гора, называемая Мунсальвеш, Монсальват - Mons Salvationis - Mont Segur - гора спасения. На вершине этой горы находится непреступный замок-твердыня, обитель высшего Братства. В дивном святом храме оно оберегает и хранит Чашу Грааля. Кругом непроходимые леса; вокруг замка на тридцать миль нет ни единого человеческого жилья. У подножия горы большое озеро или даже море; по другой версии, вокруг горы протекает быстрая непреодолимая река. Над потоком нависают скалы, преграждая путь наверх. В лесу во все стороны от замка выставлена стража, которая никого не пропустит безнаказанно. Даже самое

отважное войско не в состоянии преодолеть эти горные кручи. Согласно некоторым легендам, замок Грааля окружен дикой гористой высохшей пустыней, словно заколдованной неплодородием. Но подвиг искателя Грааля, сумевшего найти путь в святой замок, и заданный им вопрос о значении всего виденного совершают спасительное чудо: земля возрождается в свежей зелени, весело журчат родники.

В это таинственное место, в это Братство могут попасть лишь чистые сердцем - те, кто проявил великую преданность Высшему смирением своего сердца, послушанием, самоотверженностью, стремлением помогать слабым, сражаться за добро, и наконец, кто всю жизнь боролся во имя защиты священного достоинства Грааля. Одним словом, те, кто совершенствовал высокие добродетели на своем земном пути и чей дух способен одолеть любые соблазны этого мира. Грааль не терпит близости нечестивого, так же как в Библии сияние Божественного Огня сжигает человека, еще не достойного лицезреть его, ибо "кто Бога узрит, тот умрет". Потому стать рыцарем и хранителем Грааля - великая честь и наивысшее достижение, доступное человеку здесь, на земле; это превыше всего, что только может человек желать. Вот почему немало людей в Средние века и, можно сказать, во все времена *2* устремлялись к этой цели всех целей, к этому таинственному месту на земле, вместе с Парцифалем Вольфрама давая обет неустанной борьбы:

"Ich will von keiner Freude wissen

Muss ich des Grales Anblick missen... Es sei mein einz'ges Streben,

Fortan mein ganzes Leben". *3*

Все же лишь редчайшие избранники удостоивались осуществления этой самой заветной мечты своей жизни. Ибо тайна замка Грааля в том, что ищущий не найдет его; лишь тот, кто позван самим Граалем, может попасть в это священное место. Ибо кто же может знать о себе, что он уже достиг совершенства и готов для высокой миссии хранителя Грааля - высокого духа, чье сердце чисто и чья жизнь освящена истинным подвигом? Потому-то, согласно

одной французской легенде, замок Грааля для простых смертных остается невидим.

Что же представляет собою этот чудесный святой замок? В старофранцузском романе в прозе "Перлесво" этот волшебный замок назван Эдемом, или замком радости, или дворцом душ. Пламя озарения Св.Духа нисходит ежедневно на замок Грааля. Как на Западе, так и на Востоке распространено убеждение, что над общинами святых сияет аура, свет духовной энергии, в особых случаях видимый и физическим глазом. Например, в жизнеописании Св.Франциска Ассизского читаем, что во время его молитвы так сиял монастырь, что путники вставали, думая, что уже заря.

В произведениях о Титуреле Вольфрама фон Эшенбаха и Альбрехта фон Шарфенберга перед нами предстает само здание святилища, величественное и фантастичное, источник благословения для всего мира. Отсюда святое семя сеется по всему человечеству. Некоторые авторы упоминают святилище Грааля в связи с храмом Соломона, в котором также хранились священные драгоценности и который средневековое сознание представляло себе в самых волшебных красках.

И все же точного представления о самом Братстве Грааля поэты нам не дали. Быть может, потому, что в самой сущности Братства многое им казалось сверхмогущественным, сверхчеловеческим и непостижимым для человеческого ума. Мы можем лишь догадываться, что речь идет о каком-то высшем эзотерическом обществе, устав которого, по мнению Вольфрама, имеет определенную связь с существовавшим в то время Орденом тамплиеров, также имевшем свое тайное учение и строгий духовный устав и который впоследствии был разгромлен инквизицией.

По поэме Вольфрама можно судить, что Братство Грааля в сущности своей - религиозный союз, в корне отличающийся от католической церкви того времени, хотя автор и наделил его некоторыми христианскими элементами. Это, можно сказать, община избранных - вне римско-католической иерархии, без класса духовенства и не подчиненная папе, без чего в те времена никакая церковная организация была немыслима.

Члены Братства вступали в прямое общение с Высшей Волей через откровения Чаши Грааля, без посредничества церкви. Каждого, кто читал поэмы о Граале, также поражает дух великой терпимости, совершенно чуждый католицизму, особенно по отношению к восточным религиям, магометанству, что кажется непонятым в эпоху крестовых походов против "неверующего" Востока. Поэт допускает, что герой-христианин может служить "язычнику", что неверующего приглашают ко двору короля Артура, и т. д. Религия Братства кажется дружественной всем религиям - как некое синтетическое эзотерическое учение, гнозис, нечто похожее на то основанное на любви высшее тайное знание, которому Христос учил своих учеников.

Это учение, возможно известное Вольфраму и некоторым другим авторам, нельзя было разглашать открыто, не вызывая ярости недремлющей инквизиции. Поэтому понятно, что в преданиях Грааля - излюбленной теме поэтов, столь популярной и в народе, - ортодоксальные круги совершенно умалчивают. Ни один из многочисленных церковных писателей средневековья даже не упоминает имя Грааля. Странно: церковь полностью игнорирует это самое сокровенное понятие на Земле, в то время как лучшие представители народа боготворят его, поэты преклоняются перед ним. Не только для поэтов средневековья, но и для еретиков, отверженных и преследуемых Грааль становится святым идеалом. Для неисчислимого множества тех, чьи души озарил свет нового познания, кто во имя Христа вступал на ковер, кого гноили в застенках инквизиции, для них Грааль был чистым учением Христа, а мощь Грааля - жертвой Христа на благо человечества.

Все же по существу ни один поэт не раскрыл тайны самого понятия Грааля, даны лишь намеки. Многообразны представления о самой Чаше Грааля. Во французском романе Роберта де Борна читаем, что это чаша, сделанная из цельного куска изумруда, из которой Христос вместе с учениками приняли св.причастие и в которую впоследствии Иосиф Аримафейский собрал кровь на Кресте Распятого. Заключенному Иосифу ее принес сам Христос, явившийся ему в ослепительном сиянии: свет Грааля озарил все помещение тюрьмы. На протяжении долгих лет Грааль поддерживал Иосифа живым без пищи, пока его, считавшегося уже

умершим, не обнаружили живым, в неземном озарении – и не освободили из темницы. Грааль служил Иосифу чашей испытания, ею он испытывал членов своей общины: Грааль отделял нечестивых от чистых сердцем. Праведники, созерцая чашу, ощущали теплоту в сердце и радость.

Для Кретьена де Труа Грааль – это украшенный драгоценными камнями золотой сосуд, в котором находится облатка; своим сиянием он затмевает свет бесчисленных свечей в дворцовом зале, так же как солнце превосходит сияние звезд.

У Вольфрама и других авторов Грааль никак не связан с реликвией христиан, которая, по-видимому, с первоначальной легендой о Граале стала ассоциироваться позже. Для Вольфрама это – камень из рая или же "Lapsit ex illis", искаженное "Lapis ex illis" (очевидно, ex coelis) "небесный камень" или "камень света", который был принесен на землю сонмом ангелов и который является в таком сиянии, перед которым "меркнет весь блеск земной". Вольфрам пишет, что Флегетан прочел имя Грааля в звездах. Значит, это может быть нечто вроде метеорита, который явился с других, возможно, более высоких миров, насыщенный высшей энергией. О таком камне много говорится и в восточных легендах, и к этому мы еще вернемся. Согласно поэме "Война певцов", – Грааль драгоценный камень, выпавший из короны Люцифера, которую Архангел Михаил сорвал в борьбе с головы взбунтовавшегося ангела, и упавший на землю. Еще по одной версии, Грааль – это яспис, камень, с помощью которого сторает и возрождается из пепла птица Феникс, этот символ вечного обновления и возрождения.

У Кретьена де Труа Грааль парит в воздухе, незримо поддерживаемый ангелами, и силою своей святости доставляет первому королю Грааля Титурелю все необходимое для постройки его замка и храма.

Также и у Вольфрама чаша Грааля снабжает своего хранителя всем, о чем ее просят, и удовлетворяет его повседневные потребности даже в еде. Чаша эта волшебная. Созерцая ее, человек омолаживается и обретает вечную юность. Вблизи нее исчезают болезни и смерть теряет свое могущество. Первый король Грааля Титурель достигает 500-летнего возраста, сохраняя при этом молодость. Смертельно

раненный Анфортас также не может умереть, пока ему возносят Грааль. По одной из древнейших легенд, чудотворная сила Грааля выражается в том, что чистые сердца он наполняет святостью, т. е. духовной энергией. Для неверующих и грешных он незрим - лишь чистые сердцем, избранные достойны лицезреть его. Они-то и видят иногда появляющиеся на нем письмена, возвещающие Волю Божью. Лишь редчайшие люди, просветленные и исполненные высшего духа, удостоиваются высочайшей чести прикоснуться к Граалю, держать его в руках, носить его.

Но наиболее полно и ярко в легендах о Граале характеризуется сам король Грааля. Он хранитель тайны Грааля, возвещающий Высшую Волю; царство его простирается далеко над окружающими землями. Таким образом, его духовная власть распространяется и над светскими правителями и над государствами. По одной версии, его царство - не только вся наша планета: оно достигает и сфер дальних звезд, охватывая дальние миры в их непрерывном круговращении, ибо владычество его простирается над всеми творениями божьими. И "все-таки король не является владыкой над самим Граалем, он лишь глава общины Грааля и хранитель его указов". *4*

Так в народных легендах и в литературе средневековья в чудесных и одновременно трогательно-реальных, живых чертах складывается образ Святого Грааля и его Хранителей. Возможно ли, что все это - лишь игра воображения, художественный вымысел? Не отражается ли в чаяниях поэтов об Общине Грааля поистине действительность?

Разве чаша Грааля как наиреальнейшая реальность не воспламеняла восторгом тысячи сердец? И разве Замок Святого Грааля не представлял для нас всегда землей обетованной - местом претворения всех наших самых сокровенных идеалов?

1 - W. Hertz. Die Sage von Parzifal und dem Gral. В., 1882, с. 50-51.

2 - В старофранцузском романе "Искание Святого Грааля" ("La Queste del Saint Graal") даже рыцари двора короля Артура все отправляются искать Грааль.

3 -

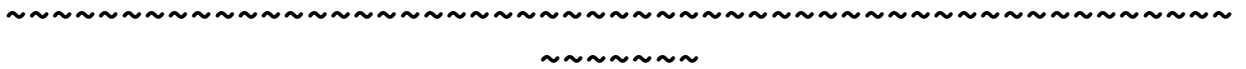
"Мне не нужно никакой радости,

Пока я не увижу Грааль...

Это будет единственным стремлением

Всей моей жизни".

4 - San-Marte. Parzival Studien. Zweites Heft.
Halle, 1861, с. 239.

ГОРЫ – ОБИТЕЛЬ БОГОВ

Нельзя отрицать, что в основе каждой народной легенды, прямо или косвенно, лежит реальность, бывшая некогда несомненной. Не зря один из виднейших историков А. Тьерри сказал: "Легенда – это живое предание, почти всегда более правдивое, нежели то, что мы называем историей". *1*

Легенда – это покрытая патиной времени, кристаллизованная в символах и образно расцветенная память народа о своем особом, героическом прошлом и о давних свершениях; и особенно о тех Великих Духах, которые жили среди людей и силою подвига строили жизнь свою и жизнь своего народа. В легендах и преданиях народ раскрывает свою возвышенную и бессмертную сущность, повествуя о своих вождях и духовных учителях, которые в сознании его пребывали в таком сиянии духа, что со временем преобразились в сынов божьих и даже в самих богов. Ибо то, что рассказывается в народных преданиях о сынах божьих и о богах, несомненно связано с понятием великих подвижников духа, давших духовное направление жизни народа, водителей, обретших в дымке прошедших столетий даже надземный ореол. Таким образом, легенды – не просто воспоминания, но и кристаллизация лучших мечтаний и чаяний народов. Ибо каждый способный к эволюции народ верит в миссию героев. Он верит, что подвижники духа вели

и впредь будут вести его к высшей ступени будущего.

Но если легенда о Граале является известным отражением действительности, имевшей общечеловеческое, планетарное значение, если Братство Грааля действительно существовало и имело первостепенное значение для блага всего земного человечества, то возникает вопрос: почему же легенды или предания о Граале сохранились лишь у некоторых народов Европы, а другим как будто неведомы, в то время как они должны бы быть наследием всех народов?

Внимательно изучая народные традиции, мы у каждого народа обнаружим предания-легенды, в которых прямо или косвенно отразилось сказание о Граале.

Прежде всего, легенда Грааля неоспоримо связана с часто упоминаемыми в народных преданиях святыми местами, где обитали боги, сыны богов или же герои.

У каждого народа имелись предания и легенды о горах богов, овеянных самыми сокровенными народными чаяниями; к ним обращался он со всею верою своей души и с надеждой на будущее. Согласно этим легендам, вершители народных судеб редко обитали на равнине. В основном они пребывали на высоких неприступных горах, величием своею издавна поражавших и восхищавших народное сознание. Кроме того, здесь они были как бы вне земных превратностей и уз пространства и времени.

Такие горы у народов считались святыми, на них воздвигались храмы и жертвенники. Также правители и пророки нередко поднимались туда, наверх, перед важными решениями. И так же как Бог и боги были средоточием духовной жизни каждого человека, так и эти горы богов считались центром мира. Мы знаем, что у древних греков обителью богов был Олимп. Согласно греческим мифам, Гея-Кибела на горе богов вращает ось мира. Для индусов местом пребывания богов являлись высоты Гималаев - Кайлас или, как именует его Махабхарата, легендарная Меру. На мифической горе Меру обитали святые. Чем духовно-светозарнее было их сознание, тем выше им отводились обители; на самой вершине, на небе богов, пребывал Индра с тридцатью тремя богами

Вед, стоящими на страже человечества. Ни одна грешная мысль смертных не может достичь этих

вершин, всегда окутанных облаками. У евреев таким священными местами были Синай и средоточие религиозных устремлений – гора Сион. У японцев такой святой горой была Фудзияма, у древних персов – Эльбрус, и т. д. Даже в центре древнейшего острова Атлантиды, согласно повествованию Платона, высилась святая гора, увенчанная храмом. В Англии некогда славились горы кельтского героя, короля Грааля – Артура. По древней легенде, в недрах одной из этих гор заснули рыцари Артура, чтобы вновь пробудиться в новом веке.

Также и у литовцев есть предание, напоминающее легенду о Граале. Где-то на Востоке высится гора блаженства Анафиель, самая высокая на земле; на ней появится всемогущий бог, величайший среди богов, чтобы судить людей за их добрые и злые дела. У латышей таким местом богов была Синяя гора, состоящая из нескольких гор богов. Когда воды еще покрывали всю землю – гласит древнее предание, – боги избрали эти горы, возвышавшиеся над всем окрест, местом своего пребывания. В Латвии еще и теперь встречается много гор Солнца, тоже, по всей видимости, имевших какую-то связь с обителем богов и загробным миром. Все это служит свидетельством духовного устремления древних народов к горам – символу духовного совершенствования человека.

Наконец, упомянем, что горы во всех религиях были местом духовного преображения людей: на горе Фавор преобразился Христос, на горах герои греков приобщались к божественности.

Некоторые апологеты раннего христианства, так же как и сочинители песен, связывали с горами и земной рай, который, согласно Библии, находится в долине меж трех рек. Так, отец церкви Ефрем Сирийский созерцал на райской горе женщин и мужчин, облаченных в лучезарные одеяния. Средневековые поэты воспевали виды сада Эдема, который сокрыт на склоне неприступных гор. Вспомним и арийскую гору Данте, уступами уходящую вверх. Австрийский поэт Генрих из Мелька и ряд других авторов изображают земной рай среди высоких гор.

Вообще древнее, и особенно восточное религиозное воображение неизменно представляло себе арийское состояние людей, страну блаженства, среди панорамы гор. Так, неисчислимы народные сказания повествуют, что где-то, по большей части на Востоке, на краю света, в недоступном для людей месте - на острове в океане, или посреди пустыни, или, чаще всего, на вершинах высоких гор - находятся желанный земной рай. Там небо сходится с землей, там царит вечная весна и непреходящая молодость, там вода бела как молоко, там храмы из кристаллов и драгоценных камней, там священный родник бессмертия, там люди не знают чувственных страстей и физических страданий, там община святых и мудрецов. Там вся природа объединена в дружеском согласии.

Такими преданиями о существовании общины святых и обители блаженства на земле изобилуют верования народов Востока, в особенности индийцев и китайцев. *2*

Разумеется, трудно указать границу, где в народных верованиях отразились заимствования из Священного писания о земном рае или просто о загробном мире, а где воплотились чаяния сердца и представления об общине или братстве высших существ, неизменно связанных с горами. Одно ясно: составителей легенд часто вдохновляла сердечная убежденность или знание, что такая страна блаженных или обитель святых существует где-то на земле и поныне.

1 - (A. Tierre). Ravue de deux mondes. 1865.

2 - См. подробнее А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести. - 2 Сб.отделения русского яз. и словесности Имп. Академии наук". Т. 40, № 2, Спб., 1866, с. 265-303; G. Rozenkrantz. Der Heilige in den chinensischen Klassiern. 1935, с. 73-78.

~~~~~  
~~~~~

ЛЕГЕНДА О КИТЕЖЕ

Известен также цикл легенд, в которых и обитель богов, и загробный мир располагаются в недрах гор или подземелье. Величественны предания народов о замках света, ушедших под воду, но которым суждено некогда подняться вновь и принести духовный свет всем живущим. В некоторых легендах описывается целы подземный город святых, живущий очень активной духовной жизнью. Вспомним популярную русскую легенду о граде Китеже - городе, чудесным образом спасенном от татарского разорения. Когда татары, разбив русское войско, приблизились к Китежу, стоявшему на берегу Светлоярского озера, намереваясь захватить его, он ушел под землю и стал невидим; и в таком состоянии он пребудет до "конца времен". Град Китеж очистился и стал белым от слез, пролитых в страданиях войны. В народе живет молва об активной духовной деятельности, не прекращающейся в городе: о колокольном звоне, время от времени раздающемся из подземных храмов; о благозвучном пении невидимого хора набожных старцев; о горящих свечах, которые отражаются в водах вечно волнующегося чудесного озера. Вот почему в стародавние времена народ ходил к Светлоярскому озеру молится Богу, с искренней верой, что чистым и праведным когда-нибудь удастся лицезреть этот невидимый град. В нем грезился мир высшей действительности, тогда как этот мир наполнен заблуждениями и иллюзиями.

Немало свидетельств этой сокровенной веры народа сохранилось в русской литературе дореволюционного периода. В русском народе также жило тайное поверье, что некоторым людям, добродетельным и святым, удалось посетить благочестивых старцев Китежа. Они принимают в свое братство только тех, кто заслужил на это право своими духовными достижениями, - тех, кто с несокрушимым геройством сердца выдержал огненное испытание жизни.

В свое время среди верующих была широко распространена рукопись сочинения XVII века "Послание к отцу от сына из онаго сокровенного монастыря, дабы о нем сокрушения не имели и в мертвы не вменяли скрывавшегося от мира". Сын пишет своим родителям, чтобы они не служили по нему панихиды, как по умершему, ибо он жив, и если ему случится умереть, то родителям об этом сообщат.

"Аз живу в земном царствии, с отцы святыми, в месте покое. По-истине, родители мои, и радость духовная, а не телесная. Сии бо святии отцы, с ними же аз живу, процветоша, яко крини сельныя (лилии полевые)... и яко камение драгое... и яко древа не стареющиеся, и яко звезды небесныя. И от уст их непрестанная молитва к Отцу Небесному, яко фимиам благоуханный... И едва ночь приидет, тогда от уст их молитва видима, яко столпы пламенныя со искрами огненными, и яко от месяца и звезд велий не токмо месту оному свет, но и всей стране оной свет, яко молния. В то время книги честь или писать можно, без свещного сияния. Иже возлюбиша Бога всем сердцем и всею душою и всем помышлением своим, тем и Бог их возлюби... яко мати любимого си чада, и что просят в молитве своей от Бога, все подаст. Иже возлюбиша бозмолвие и вся добродетели исправиша всем сердцем, и Бог... хранит их, яко зеницу ока, и покры их невидимо дланию своею, иже... паче желают жития на небесах, ниже богатство временное, но паче возлюбиша богатство на небесах..." *1*

Это провидческое письмо Мельников-Печерский положил в основу своего романа-эпопеи "В лесах" и "На горах", отразившего тягу простого народа к хранимому граду. В другом месте он же высказывает знаменательное соображение, что Китеж, по народным преданиям, до погружения был братством богатырей, общиной народных героев, подобно киевской дружине при дворе князя Владимира, но, конечно, в более глубоком смысле.

В связи с этим вспомним величественную опер Римского-Корсакова, в которой град Китеж, сокрытый от нашествия татар и ушедший под землю, изображен как "страна неизреченного Света", куда попадает мудрая благодетельная девица Февронья, потому что она "посвятила Богу Света три своих сохраненных дара: кротость голубя, благородство любви и слезы страдания". Своего жениха князя Всеволода она учит любить каждого человека, кем бы тот ни был, грешником или праведником, ибо в каждой душе отражается искра божественной красоты. Если человек страдает, тем более нужно его обласкать, окружить небесной радостью.

В русском же народе жило немало и других преданий о невидимых городах и монастырях, звон колоколов

которых доносился до слуха верующего в тихие летние ночи. Таковы, к примеру, сказания о Млевских монастырях (Тверская губерния), ушедших под землю, но в которых

продолжают жить святые отшельники; о чудесных старцах Малого Китежа (Городец), которые ранним утром выходят из Кирилловой горы и показываются богобоязненным странникам, и т. д. Подобна им алтайская легенда о народе чудь, не пожелавшем потерять свободу. "Ушла чудь под землю и завалила проход камнями... Только не навсегда ушла чудь. Когда вернется счастлирое время и придут люди из Беловодья и дадут всему народу великую науку, тогда придет опять чудь, со всеми добытыми сокровищами". *2* По пермским (коми) сказаниям, чудь была народом героев-богатырей.

Эти легенды и подземных городах тесно связаны с фантастичными и сказочными легендами Востока об Агарте - городе знания и духоразумения, находящемся под землей, где обитают мудрейшие из людей, одаренные вечной юностью и увенчанные божественной мудростью. К этой легенде мы еще вернемся.

1 - Мельников-Печерский. Полное собр. сочинений. т. XIII, М., 1898, с.38-39.

2 - Н.Рерих. Сердце Азии. Southbury, 1929, с.113.

~~~~~

~~~~~

БЕЛОВОДЬЕ

Спускаясь с высот легенд в мир сегодняшней действительности, следует признать, что подобные верования в существование сокрытой общины святых не совсем исчезли из народного сознания и в наши дни. Они встречались еще совсем недавно в сказаниях народа о Белом Источнике или Белых Водах - Беловодье.

В XVII веке от церкви, преобразованной русским митрополитом Никоном, откололось много православных, так называемых староверов (раскольников), не принявших нововведений. С глубокой тоской вспоминали они о том первоначальном состоянии православия, которое теперь, когда исторические факты рассеялись в дымке забвения, представлялось им, в идеализированном свете, самой чистой и сокровенной формой христианства. Преследуемые ортодоксальной церковью, многие из них лелеяли пламенную надежду, что придет день, когда вновь воцарится совершенное и справедливое устройство церкви, данное свыше и хранящее изначальную духовность. В последующих поколениях старообрядцев эта надежда со временем переросла в горячую веру, что раньше или позже им удастся установить связь с некоей особой иерархической формой церкви, которая унаследовала благословение самих апостолов в сокровенном виде, и через нее непосредственно соприкоснуться с истинным, не затемненным временем учением Христа. Эта чистосердечная вера постепенно перерастала в хотя и смутное, но заветное предчувствие о некоем чудесном крае далекого на Востоке (но где именно – никто не мог сказать), среди высоких гор, где сохранны сияет в первозданном величии данная Христом Благая Весть, где строго и неуклонно претворяется в жизнь истинная, правая вера. В этой благословенной сказочной земле живут апостолы Христа и святые. Это сокровенное, Богом хранимое место благоговейно именовалось Белыми Горами, Белым Островом или чаще Белым Источником – Беловодьем. О Белой Горе говорил иногда великий русский Святитель Сергий Радонежский строитель русской духовной культуры, тем возжигая луч мечты в верующем сердце; однако местонахождение этой чудесной горы он никогда не указывал.

"В далеких странах, за великими озерами, за горами высокими, передает Николая Рерих в "Сердце Азии" об убеждении староверов, находится священное место, где процветает мудрость на спасение всего будущего человечества". *1*

К этому самому священному месту на земле устремлялись в щемящей тоске сердца бесчисленным паломников. Эта легенда постепенно росла в сознании верующих, захватывая невыразимые дали воображения; устремляясь от сердца к сердцу,

ширилась, преображаясь в мечту о чудесном огненном цветке, скрытом в горах Жар-птице. Ходили слухи, что, может быть, там же, за Иерусалимом, все еще живут патриархи, не отступившие от правой веры, а может быть - в Антиохии, или Абиссинии, или, скорее всего, далеко на Востоке. И начались паломничества и искания. Не найдя заветной земли, дух не унимался, и все новые искатели устремлялись за голубым цветком своей мечты, а путь становился все длиннее, опаснее и непреодолимее. Некоторым святая обитель Братства грезилась в Сибири, среди лесистых склонов Алтайских гор, другим - в Тибете или Индии.

Известно, что среди старообрядцев уже в XVII веке ходили слухи о некоей стране на Востоке, где со времен раннего христианства обитает высшее духовенство (архиереи), что "есть на земле места сокровенные, Богом спасаемые грады и обители, где твердо и нерушимо соблюдается "древнее благочестие" и епископы правоверные сияют как солнце". *2* В конце XVIII века в старообрядческом мире широко распространилась фантастическая, нежели достоверная рукопись инока Марка о его паломничестве через Сибирь и пустыню Гоби в "Опоньское государство" посреди океана. Разыскивая с великим рвением и терпением страну, где сохранилось древнее благочестие, он будто бы наконец нашел ее в "Японии", в которой, помимо всего прочего, был как бы и православный церковный уклад. Эту страну он и считал Беловодьем. "В местах тамошних татьбы и воровства и прочих противных закону не бывает. Светского суда не имеют; управляют народы и всех людей духовные власти... Бог наполняет сие место". *3*

Можно понять, какие глубокие корни пустила в сознание старообрядцев тоска по Беловодью, если его именем выступали даже лжеапостолы, спекулировавшие на горячей наивной вере народа... Так, во второй половине прошлого века некто Антон Пикульский, именовавший себя священником Аркадием, основал секту, называемую им "иерархией Беловодья", приверженцы которой, хотя и преследуемые церковью, широко распространялись по Приуралью. Аркадий торжественно объявил, что рукоположен в Архиепископы Всея Руси и Сибири в самом Беловодье, которое он нашел якобы в Индии, и что высшее духовенство там сохранилось еще со

времен апостолов. Глава иерархии Беловодья правит всем миром, и т. д.

"Уверенность в действительности этой легенды доходила до того, свидетельствует писатель Короленко, - что в 1807 г. один поселянин Томской губернии подал правительству о "Беловодских епископах" особую записку. В 1839 году о том же заявил Семеновскому исправнику один старообрядец-бродяга, а в сороковых и потом в шестидесятих годах были случаи, когда из деревень Алтайского округа (Бухтарминской волости) люди уходили за китайскую границу для отыскания "Беловодья". Надо думать, что это тихое, малозаметное просачивание русского населения в китайские и тибетские пределы не прекращалось. Некоторые из статистиков, исследовавших Алтайский округ, уже в последние годы сообщали пишущему эти строки, что и в настоящее время известны еще случаи этих попыток проникнуть в Беловодье через таинственные хребты и пустыни средней Азии. Некоторые из этих искателей возвращаются обратно, претерпев всякие бедствия, другие не возвращаются совсем. Нет сомнения, что эти "другие" погибают где-нибудь в Китае и в суровом, негостеприимном и недоступном для европейца Тибете. Но наивная молва объясняет это исчезновение иначе... По ее мнению эти пропавшие без вести остаются в счастливом Беловодском царстве. И это обстоятельство манит новых и новых мечтателей на опасности и на гибель". *4*

Выдающийся исследователь Центральной Азии Н. М. Пржевальский в описаниях своих экспедиций упоминает о том, что около 1860 года сто тридцать старообрядцев с Алтая дошли до озера Лоб-нор - до тибетских границ, "наверное, в поисках обетованной земли Беловодья". Выносливые алтайские пахари и охотники поселялись около развалин города Лоб. В этом суровом чужом краю сохранились и могилы богоискателей. Пржевальский ревностно искал их следы в окрестностях Лоб-нора, их также исследовал его ученик Козлов, и шведский ученый и путешественник Свен Гедин тоже уделили им внимание.

Такой несветский дух искательства был особенно живуч в одной из сект уральских казаков (никудышники) - движения, которое резко отрицало все существующие церковные формы; казаки мечтали

не только об учении Христа, сохраненном в чистоте, но и об особой иерархии. Рассказ о путешествии Марка казался им до такой степени правдоподобным, что в 60-х годах они специально провели несколько сходов, на которых решали вопрос об отставке делегации на Восток. Наконец для этой цели избрали казака Барышникова, который через Суэцкий канал добрался до Восточной Индии, но, ничего не достигнув, вернулся обратно.

Затем стали распространяться слухи об Аркадии, которые вновь воспламенили умы. Послали к нему двух казаков, чтобы узнать, по каким дорогам он выехал из Беловодья в Россию. Но в разговоре Аркадий уклонялся открыть местонахождение Беловодья.

Тогда в январе 1898 года сход решает послать трех казаков во главе с Хохловым для проверки указанных Марком и Аркадием маршрутов. Казаки поехали, всем сердцем устремленные в неведомую страну истинного благочестия. Непостижимая вера в "Беловодскую мечту" и недоверие Аркадию, рассказывает Хохлов в своих воспоминаниях, заставили наконец казаков решиться послать новую делегацию в Канбонайское царство (Восточный Индокитайский полуостров). Сомнения Хохлова имели основание, ибо маршрут Аркадия представлял собой сплошную неразбериху нелепых географических названий, чего простодушные казаки вначале не сообразили. Объехав кругом Азии, Хохлов и его спутники через Японию и Сибирь вернулись домой, так им не найдя праведной веры. В конце концов они фактически соглашались, что "истинная правая вера осталась только там" (на небесах).

Уральские казаки, полностью разочаровались в Аркадии, все же хотели выяснить этот вопрос до конца. Собрав все материалы, связанные с Аркадием, они отправились в Петербург, чтобы отыскать там ученых мужей, которые помогли бы им разобраться в этом деле. В Петербурге они попадают к самому профессору С. Ф. Ольденбергу, знаменитому востоковеду. Встреча с именитым ученым окончательно убедила казаков, что Аркадий водил их за нос. Но... Короленко в другом очерке великолепно показывает, что и эти научные доводы не смогли погасить веры казаков в то, что где-то на Востоке страна избранных все же существует.

После беседы с ученым, рассказывает Короленко, у них "осталось еще одно маленькое сомнение, чреватое, быть может, новыми предприятиями старообрядческого Урала и новыми экспедициями.

Рассказывая об Индии, Индокитае, Опоньском царстве и других странах Востока, об их жителях и религии, Сергей Федорович Ольденберг показал казакам, между прочим, статуэтку, подаренную государю императору в Японии и находящуюся теперь в музее Академии наук. Это изображение Майтрейи, который, по верованию буддистов, теперь находился на небе, но со временем сойдет на землю, чтобы научить людей истинной вере. Вначале этот буддийский святой, по видимому, не обратил на себя особенного внимания депутатов. Но впоследствии он все чаще стал возникать в их памяти". Они вспомнили он все чаще стал возникать в их памяти". Они вспоминали, что этот святой в одной руке держал нечто вроде чаши, "а другая изображает как бы двуперстное сложение, принятое у старообрядцев. И потом - для чего японцы поднесли ее православному царю?

Когда депутаты рассказали об этом своим единоверцам, старики стали упрекать их, что они не собрали точных сведений о местопребывании Майтрейи... И теперь, - кончает Короленко свой рассказ, - депутаты просили меня... попросить у С. Ф. Ольденберга эти сведения, а если можно, то и фотографический снимок со статуэтки. - В случае чего... можно бы туда отправить людей, - говорили казаки". *5*

Кто знает, не снарядили ли уральские казаки новую экспедицию, чтобы найти благословенную землю Майтрейи, Грядущего Мессии? Так в поисках земли обетованной своих религиозных чаяний казаки устремлялись далеко в Будущее...

При всей кажущейся фантастичности и детской наивности, в этой вере части русского народа все же неоспоримо пылало сокровенное и несокрушимое убеждение в существовании чудесной земли на Востоке, столь же насущное, как вера в реальность жизни Христа. Потому понятно просветленное "безумие духа", на протяжении веков заставлявшее многих и многих верующих этого народа-богоискателя покидать насиженные места и устремляться на Восток странниками-паломниками. Что же это за

исключительная, самоотверженная сила сердца, заставлявшая их принять великое бездомие, все трудности пути и суровость одиночества? Что же гнало их в неутомимой жажде через степи и пустыни, через снежные вершины? Этих русских странников, неисчислимых братьев уральских казаков, так же, как и искателей Грааля средневековья, окрыляло сердечное предчувствие о святом месте на земле, где царит Высшая Справедливость, братство совершенных людей, вечно бодрствующее на страже ради блага человечества. Сердце чаяло: как знать, может быть, именно мне суждено это неожиданное счастье – попасть в Белую Страну?

"Белая Гора... Где твоё Беловодье?

Возьму посох кедра, окручусь белой одеждою, подымусь на Белую Гору, у неё спрошу: откуда пошла белая вода?

От Горы, от самой вершины показались сорок сороков вершин. За ними светится Гора Белая! Камень ли горит? Тайна обозначилась.

Пойдем, братие, на тот Свет сияющий!

Невиданное увидено. Неслыханное услышано.

На Белой Горе стоит град. Звон слышен. Петух в срок закричал.

Удалимся в город и послушаем Книгу Великую" *6*

"Коли душа твоя готова достичь это место через все погибельные опасности, – рассказывает Рериху один старовер, – тогда примут тебя жители Беловодья. А коли найдут они тебя годным, может быть, даже позволят тебе с ними остаться. Но это редко случается.

Много народу шло в Беловодье. Наши деды тоже ходили. Пропадали три года и дошли до святого места. Только не было им позволено остаться там, и пришлось вернуться. Много чудес говорили они об этом месте. А еще больше чудес не позволено было сказать". *7*

Когда думаю об этих Богом восхищенных, всегда вспоминаю вдохновенного русского поэта –

гимнопевца Александра Добролюбова, который благословляет этот мир и все его проявления в духе всеобъемлющей любви Св.Франциска. В 1905 году он также отправился в паломничество и пропал без вести. Нас не удивило бы, если б нам сказали, что и он ушел в тоске по Беловодью.

Силу этой веры русских людей характеризует еще один пример: в 1900-х годах на Урале распространялись слухи, что в Беловодье побывал также Лев Толстой и получил там "духовный чин".
8

Возможно, что и в сердце русского поэта-философа Владимира Соловьева пылали эти же сокровенные чаяния, когда он сочинял песнь песней своей души о Куку-Норе:

Ах, далеко в Тибетском плоскогорье

Живет мой друг,

А здесь один томлюсь в тоске и горе я.

Томно вокруг.

И лишь порой в тумане сновиденья

Я вижу то,

Что видеть мог без всяких затруднений я

Тому лет сто.

Иль, ослабев, умру с тоски и горя я

Судьбе в укор.

Иль путь найду в Тибета плоскогорья

Чрез Куку-Нор.

Неужели все эти огни сердечных устремлений, кристаллизовавшиеся и в легендах, напрасны и нелепы? Неужели все это лишь детски-наивные мечты, без какой-либо реальной основы? Голая фантазия может ввести в заблуждение сухой интеллект, но интуицию детско-чистого сердца, сердца, которому Христос указал место в царствии небесном, - обмануть невозможно, ибо чистое сердце - знает.

1 Н. Рерих. Сердце Азии. Southbury, 1929, с. 110.

2 Мельников-Печерский. Полное собр. сочинений. т. XIII. М., 1898, с. 31.

3 Там же, с. 34.

4 Г. Т. Хохлов. Путешествие уральских казаков в "Беловодское царство". Предисловие В. Г. Короленко. - "Записки Имп. русского Геогр. общества по отд. этнографии". Т. XXVIII. Вып.1. Спб., 1903, с. 7-8.

5 В. Г. Короленко. У казаков. Гл.5. - Полное собр. соч. Т. 6. Спб., 1914, с. 197-198.

6 Ж. Сен-Илер. Криптограммы Востока. П., 11929, с. 95.

7 Н. Рерих. Сердце Азии. Southbury, 1929, с. 110-111.

8 Русская Энциклопедия. Т. 3. Спб., К-во "Деятель", 1912, с. 391, "Беловодье".

Перевод с латышского М. Пормалис и Л. Данилова.

~~~~~  
~~~~~

Пресвитер Иоанн

И все же, если такая община Грааля действительно существовала, неужели о ней не осталось никаких исторических свидетельств? Если бы даже Братство обитало изолированно, обособившись от полной заблуждений мирской жизни, как подчеркивает Вольфрам фон Эшенбах в своей поэме, все-таки сведения о его существовании должны были сохраниться и дойти до нас.

Надо отметить, что такие данные имеются и могут быть обнаружены на страницах европейской истории. К сожалению, в европейском сознании настолько

господствует материально-рассудочный образ мышления, что каждую Высшую истину, не совпадающую с догматами какого-либо вероучения или не согласующуюся с текущим "научным" мировоззрением, оно принимает крайне скептически. Поэтому сознание среднего европейца так и не восприняло известные в Европе сведения об упоминаемом Братстве. И все же в средние века, когда человеческое мышление не было до такой степени рационализировано и технократизировано, как в наши дни; когда ко многим явлениям еще подходили с детской верой, и когда лучшие представители духовной мысли доверяли чистому чувствованию сердца, - в средние века знали многое, многое такое, что для позднейшего сознания угасло; знали, что Высшее Братство действительно существует.

Но если это таинственное Братство Грааля - реальность, то где же его искать?

Ответ может быть один - тот, который дало сердце русского искателя Беловодья: на Востоке. Многие известные исследователи признают, что первичное ядро легенды о Граале имеет восточное происхождение и что в конечном итоге именно на Востоке следует искать корни ее реальности. Полагают, что в мавританскую культуру Испании эта легенда пришла из Аравии или даже из Персии; некоторые считают родиной этой легенды Индию *. И потому, как мы увидим далее, в ряде эпических песен Грааль возвращается из греховной Европы назад в Индию.

* Даже древнегерманский Один со своим Асгардом богов (азов) (сравни с Агарттой!) пришел на Скандинавский полуостров через Россию с Востока, из Византии, Греции, а по другим теориям - из Индии, из "Обители богов" или родины богов (Гудзем). Даже здесь за местными национальными представлениями прослеживается воспоминание о некоем общечеловеческом Свете.

С другой стороны, это объясняет, почему в известной поэме Вольфрама фон Эшенбаха чисто христианские элементы отодвинуты на второй план и также прослеживается большая терпимость, даже любовь, к людям Востока - как, впрочем, и в других произведениях. Сам Вольфрам фон Эшенбах признается, что при написании своего труда он

использовал утерянную поэму провансальца Киота, источником которой послужила не чисто христианская легенда, но арабское повествование о Граале, найденное в Толедо (Испания) и написанная "язычником" Флегетаном "из рода Соломона". Флегетан был известен как большой знаток звезд, астролог, и в звездах прочел он тайну Грааля. Познакомившись с его трудом, Киот пытался разыскать по латинским книгам, где может находиться племя чистых сердцем, призванное служить Граалю. Он ознакомился с хрониками различных европейских стран и в городе Анжу обнаружил рассказ о предках Парцифалья.

Некоторые ученые все же склонны считать, что легенда эта зародилась в далекие времена в Испании или же у древних кельтов, а идею Братства Грааля связывают с рыцарями Круглого Стола. Согласно этой легенде, герой Артур и есть король Грааля. Летописец XII века Аланус де Инсулис утверждает, что король Артур был более популярен в Азии, нежели в Европе. "Кто же говорит о нем? – восклицает он. – Он еще более известен в Азии, чем в Британии, как нас уверяют наши паломники, возвращающиеся из восточных стран. Восток и Запад полны им. Египет и Босфор не молчат. Рим, владыка городов, воспевают его дела. Антиохия, Армения, Палестина прославляют его подвиги" ([96], с. 115).

Как это понимать? Надо полагать, что древний летописец, говоря о популярности короля Артура на Востоке, смешивает его с какой-то другой полуполюгендарной-полуисторической личностью Востока, несомненно связанной с ранее упомянутыми верованиями и легендами о Граале, популярными среди просвещенных людей средневековья. Эта личность была известна как *Presbyter Johannes* – пресвитер или священник Иоанн. Литературовед Хаген в своем труде о Граале [72] предпринял даже попытку развернутого доказательства, что Вольфрам фон Эшенбах, как и Кретьен де Труа, несомненно опирались на легенду о пресвитере Иоанне и многое заимствовали из нее, и особенно из широко известного письма пресвитера Иоанна, написанного на латыни.

В средние века бытовала уверенность, что далеко на Востоке обитает некий таинственный христианский правитель, который, так же как и король Грааля,

имеет священнический сан и которому будто бы подвластны многие правители и государства. Сама личность его была окружена ореолом фантастичности. Средневековому христианскому сознанию он представлялся идеалом правителя, соединившего в себе и духовные и физические достоинства, который, подобно давножданному Христу, может принести на Землю мир и благодать. И хотя личность пресвитера Иоанна предстает еще в сказочном свете, все-таки здесь мы от персонажа легендарного переходим к явлению историческому, ибо этот восточный властелин был связан со многими известными лицами и конкретными фактами. В исторических анналах личность пресвитера Иоанна впервые упоминается в начале XII века, и слухи о нем не умолкают вплоть до конца XVII века. Благоговейная тайная вера в его существование вносила своеобразный, но возвышенный настрой в сумеречную веру средневековья. Какое значение имело это верование не только в средние века, но и в последующие столетия, видно из того, какое большое внимание уделялось вопросу о пресвитере Иоанне во всех старинных церковных хрониках, энциклопедиях и даже географических изданиях. Эта легенда оказала большое положительное влияние еще и тем, что, пробудив сильный интерес к Востоку вообще, к его жизни и культуре, содействовала научному ознакомлению с Азией. На самом деле для многих великих средневековых путешественников первым импульсом для поездки в Азию послужили слухи о личности таинственного восточного правителя (см. [85], с. 283). В качестве основных источников о пресвитере Иоанне следует упомянуть обширные труды Опперта [80] и Царнке [103] на немецком языке; на французском языке вышли труды д'Авезака [54], Потье и Бринэ.

После того как в 431 году на Соборе в Эфесе епископ Несторий был осужден как еретик, его последователи в Византийском государстве и Сирии подверглись всяческому преследованиям, и им пришлось спасаться далеко на Востоке: в Персии; Бактрии, Индии и даже в Монголии, Тибете и Китае. В связи с этим у христиан Европы всегда было живо сознание того, что где-то далеко на Востоке разбросаны, живут и трудятся ячейки их братьев по вере. Все это также способствовало росту слухов о христианском государстве на Востоке.

Эти слухи особенно усилились в XI и XII веках, когда христианский мир Европы в ходе крестовых походов ступил в непосредственное соприкосновение с Востоком. Это было воистину время религиозного безумия и видений, когда – то подстрекаемые церковным фанатизмом, то движимые романтическим авантюризмом – тысячи людей в качестве крестоносцев или как паломники устремлялись в Святую Землю – Иерусалим

или, вернее сказать, вообще на Восток. К ним присоединялись бесчисленные искатели личной наживы. Но это было также и время когда рядом со всеми этим авантюризмом чудесным образом расцвел огненный цветок Грааля, воспеваемый трубадурами и расцвел истинный богоискателями и пока еще не тронутый рекой инквизиции. В это же время индийские, персидские и арабские легенды и сказания были принесены на Запад. Особую популярность приобрела книга Синдбада, безграничный полет фантазии которой особенно отвечал духу ищущего приключений рыцарства. До Запада дошли даже жизнеописания великих подвижников духа Востока, хотя и в измененном виде, в форме легенд, как например, жизнь Будды в повести о Варлааме и Иосифате. Однако тщеславные христианские крестоносцы, отправляющиеся на Восток полные предубеждения и даже презрения к сарацинам, неверным, были чрезвычайно поражены и изумлены той высокой культурой, которую они встретили на Востоке, в некоторых отношениях даже превосходившей культуру Запада. Духовенство

натравливало их на язычников и исповедующих многобожие, а они встречались на Востоке с верой в единого Бога, терпимостью и человеколюбием – тем, чем сами крестоносцы зачастую не могли похвалиться. Этот культурный, романтический дух Востока оказал сильное влияние на сознание всех просвещенных людей того времени, у которых, независимо от воззрений церкви, появился большой интерес и уважение к Востоку. Этот интерес к Востоку рос, углублялся и в высшем своем качестве кристаллизовался в легендах и сказаниях о Замке Грааля. Вместе с крестоносцами и паломниками, которые много слышали о пресвитере Иоанне и о христианском государстве на Востоке, эти легенды пришли и в Европу, где, переплетались с чисто христианскими элементами и расцвеченные

вдохновением и воображением поэтов, превратились в то сказание о Граале, которое позднее влилось в духовную традицию Европы.

Попробуем теперь проследить, что же сохранила для нас история о личности таинственного пресвитера Иоанна.

В старинных летописях нередко упоминается его имя, но здесь мы приводим лишь более или менее исторически установленные факты. К сожалению, чаще всего в летописях пересказываются разные слухи о нем, ничем не подтвержденные. Первые сведения встречаем в хронике Оттона Френзингенского от 1145 года ([81], VII, 33). Он якобы слышал от сирийского епископа из Габилы сказание о царь-священнике Иоанне, царство которого лежит за Персией, а все подданные его, как и сам он, – христиане-несториане. Этот могущественный восточный правитель будто бы хотел отправиться со своим войском в Иерусалим на помощь христианской церкви в борьбе с мусульманами. Можно представить себе, какую радость вызвали эти слухи в Европе, – ведь походы крестоносцев заканчивались все более и более трагично. Царь Иоанн будто бы происходит из рода древних магов или мудрецов Востока, которые, согласно Евангелию, приходили навестить новорожденного Христа; он властвует над теми же народами, над которыми властвовали эти восточные мудрецы, и обладали несметными богатствами и славой.

Эти сведения Оттон Френзингейский сообщил Папе Евгению III на особой аудиенции, что, конечно, говорит о том, насколько они представлялись важными и значительными. Двадцатью годами позже Альберик в своей хронике от 1165 года также повторяет их [53]. Он упоминает и об удивительных письмах (*multa admiratione plenas*) индийского царя Иоанна, которые тот послал на латинском языке целому ряду христианских правителей Европы, в первую очередь императору Византии Мануилу Комнену и римскому императору Фридриху I. Позднейшие хроники указывают и на некоторые другие письма царя Иоанна, например французскому королю Людовику VII, Папе Александру III, одному из португальских королей и т. д. *

* Интересно отметить, что Гёте в статье "Три святых царя" ([66]), с. 195, 197; [66a], с. 177, 178) также упоминает, что ему попадались сведения о том, что пресвитер Иоанн в 1380 году посылал в Рим своих послов. (См. также: И. В. Гёте. Западно-восточный диван. М., 1988. с. 474-6. - Прим. пер.)

В письме к византийскому императору Мануилу пресвитер Иоанн называет себя могущественным монархом под солнцем, царем всех царей "вселенной Земли", но вместе с тем смиренным христианином и защитником всех христиан. В начале своего письма пресвитер Иоанн укоряет императора за его гордыню: "Мы хотим знать и спрашиваем, есть ли у тебя общая с нами истинная вера и придерживаешься ли ты во всех делах Иисуса Христа? Ибо в то время как мы знаем, что мы люди, твои легионы считают тебя Богом, между тем нам известно, что ты смертен и подвержен человеческой бренности". В одном из вариантов царство этого восточного владыки изображено как страна высших духовных ценностей. "Нашу страну именуют страной Истины, ибо мы все любим друг друга и следуем Истине и ни одного порока нет среди нас". Здесь, можно сказать, текут молочные реки в кисельных берегах, здесь нет ни нищих, ни воров, ни лицемеров, ни прелюбодеев и никто не лжет, ибо кто солжет, тот тут же умирает. В одной из рукописей царь именует жителей своей земли даже ангелами. Здесь и источник бессмертия, и замок из драгоценных камней и т. п.; одним словом, в этом письме описываются все чудеса, какими грезило средневековое воображение. И все же за этим буйством фантазии пылливый исследователь усмотрит элементы подлинного первоначального текста письма, который искажался и "перерабатывался" переписчиками. К тому же человеческой природе так свойственно воспринимать духовные ценности и духовную мощь в категориях физических, т. е. богатства и могущества. То, что за этим письмом стоит какая-то великая истина, подтверждает и благоговейная убежденность средневекового сознания в реальности его автора, а также и чрезвычайная популярность самого письма. До сего дня в крупнейших библиотеках Западной Европы сохранились более ста различных рукописей с текстом этого письма *. Оно неоднократно переводилось на старонемецкий язык и оказало сильное влияние на произведения Альбрехта фон Шарфенберга и других авторов того времени.

* - Зачастую они почти не отличаются друг от друга, так что можно судить, что у всех писем был один первоисточник. Более подробно эти письма рассмотрены и пересказаны в монографии Царнке [103].

Папу Александра III этим таинственным царем чрезвычайно заинтересовался его лейб-медик Филипп, возвратившийся из Азии. Тайно желая привлечь царя Иоанна к католической церкви, Папа в 1177 году направляет к нему из Венеции в качестве посланника Филиппа, с письмом к "Carrisimo in Christo filio Johanni, illustro et magnifico Indorum regi, sacerdoti sanctissimo" **, в котором призывает его примкнуть к католицизму. В письме просил прислать с послами ответное письмо. О дальнейшей судьбе Филиппа история хранит молчание, и мы не знаем, удалось ли ему отыскать эту таинственную личность.

** - "Возлюбленному во Христе пребывающему Иоанну, прославленному и благородному царю Индийскому, епископу преосвященному" /лат/.

В начале XIII века вновь всплывает имя царя Иоанна: в Палестине стали распространяться упорные слухи, что на помощь находящимся в опасности крестоносцам идет преемник царя Иоанна, покоривший уже не одно государство. Впоследствии оказалось, что это был Чингис-хан, правитель монголов, который действительно в 1244 году взял Иерусалим.

Папа Иннокентий IV посылал на Восток три миссии - последнюю в 1253 году во главе с Вильгельмом Рубруком. Описание этого путешествия сохранилось. Всем миссионерам, помимо их прямого задания обращать монголов в христианскую веру, было дано также тайное поручение найти пресвитера Иоанна и его царство. Последний из них по возвращении мог лишь сообщить, что все слухи об этой личности относятся к какому-то правителю горцев - катаев или кидушей и найманов, которого несториане называли царем Иоанном. Но более точных сведений о существовании этого царя ни от кого получить не удалось.

Отметим еще письма францисканца Монте-Корвино, впоследствии Пекинского архиепископа, датированные 1305 и 1306 гг., в которых он упоминает о несторианском царе в Индии - Георгии, которого

называли также индийским пресвитером Иоанном и которого он якобы обратил в католическую веру. О нем же говорит в описании своих путешествий по Азии прославленный Марко Поло (гл. LXXIV), который считает Георгия шестым царем со времен пресвитера Иоанна. В конце XV века король Португалии, посылая знаменитого путешественника Васко да Гама в Индию вокруг Южной Африки, с большой почтительностью дал ему также поручение и к царю Иоанну. Но, как видим, никто из этих людей не указал пути к разгадке личности легендарного правителя.

И все же слухи не иссякали. В XV веке возникла новая версия этой легенды. Марко Поло в своих трудах называл Среднюю Индию Абасией, что позже смешалось с Абиссинией, и пресвитера Иоанна стали искать в Эфиопском государстве. Туда отправляются посольства, признающие абиссинского правителя – обладавшего в то время большой властью и имевшего сильное влияние на другие народы Африки, куда не простиралась рука легендарного царя, – в качестве царя Иоанна. Вот почему абиссинский негус до последнего времени к прочим своим титулам прибавлял и "царь царей". Такой взгляд господствовал до XVII века, когда Абиссиния именовалась еще "Regnum Presbyteri Johannis" *. Но в конце концов эта версия все-таки была признана ошибочной.

* – Царство Пресвитера Иоанна /лат./.

Таким образом, о личности пресвитера Иоанна высказывались различные, даже совершенно противоположные мнения. Взгляды ученых также очень разнятся. Крайне широк диапазон имеющихся интерпретаций и с филологической точки зрения. Многие отождествляют пресвитера Иоанна с одним из монгольских, татарских или китайских правителей и ханов. Иные приравнивали его даже к Далай-ламе Тибета, а его сказочную власть – к Тибетской иерархии, о которой в сознании европейцев было самое фантастическое представление **.

** – Подробнее об этой версии см. [64], §39-40; см. также [80], с. 11.

Окидывая взглядом страницы истории, поражаешься той тайной, а иногда и явной уверенности в существовании пресвитера Иоанна, какую питали в

средние века представители духовной и светской власти и множество других людей, хотя вещественные доказательства отсутствовали, а послы искали его и не находили. В то, что где-то на Востоке, среди гор, обитает некий могущественный и духовно возвышенный владыка, быть может Глава какого-то таинственного духовного Братства, - в это верили на протяжении нескольких столетий; не было лишь ясного представления о том, кто он. Этот духовный правитель, которого светские властители средневековья представляли, по своему образу и подобию, светским и церковным владыкой, - считал, однако, свою веру настолько высокой, что был убежден в своем праве обличать пороки правителей Европы и даже вмешиваться в дела светских властей. Только в более поздние, охваченные веянием скептицизма века стали возникать сомнения в его существовании. Так эта личность окутывалась очень светлым и все же иррациональным и глубоко таинственным ореолом. Где же ключ к этой загадке?

Средневековая поэзия о пресвитере Иоанне

Если исторические хроники не смогли сообщить нам никаких подробностей об этой личности, то, может быть, какой-то ключ к пониманию мы сможем найти в средневековой поэзии, где также упоминается имя пресвитера Иоанна? Ведь поэт иногда бывает настоящим духовидцем, и потому в поэтических образах и символах нередко заключена величайшая истина *.

* Если мы признаем, что легенду можно рассматривать как прямое или косвенное отражение действительности, то, по мнению литературоведа В.Герца, это тем более справедливо по отношению к средневековому эпосу. "Средневековый эпический поэт, - говорит он, - подходил к материалу для своих произведений совсем не так, как современные писатели. Не красивая игра фантазии, но истина требовалась прежде всего. Еще не умели отличать историю от сказания. С древнейших времен для народных масс эпическая поэзия была единственным носителем исторической памяти... Как наши дети интересуются красивыми сказками лишь поскольку они правдивы, так же и для средневекового поэта не

могло быть более тяжкого упрека, чем обвинение во лжи".

Итак, мы вновь возвращаемся к тому, с чего начинали, - к легенде о Граале и Парцифале. Чувствуется, что между Главой братства Грааля, которого поэты именуют также владыкой мира, и главой таинственного государства на Востоке много сходства; попытаемся найти тому подтверждение в поэзии о Граале.

В поэме Вольфрама фон Эшенбаха о Парцифале имя пресвитера Иоанна упоминается лишь однажды, да и то в самом конце поэмы. Там сказано, что пресвитер Иоанн - сын Фейрефица, сводного брата Парцифала; что он, будучи священником, является и царем Индии, и что все цари Индии, наследующие трон после него, принимают его имя. Таким образом, правители этой сказочной индийской страны наследуют имя Иоанн из поколения в поколение ([73], с. 406) **.

** Такую же разгадку тому, почему все цари таинственного индийского государства носят имя священник Иоанн, дает известная легенда Иоанна Хильдесхаймского о трех царях, которую с интересом рассматривает и Гёте в вышеупомянутой статье "Три святых царя" и двух последующих: "Добавление" ([66а], с. 180) и "И еще раз три святых царя" ([66], с. 202-4; [66а], с. 180-2). (См. также: И. В. Гёте. Западно-восточный диван. с. 474-6. - Примеч. пер.)

Может быть, Вольфрам рассказал бы более подробно о пресвитере Иоанне в своем "Титуреле", но этот труд остался незавершенным. Его работу впоследствии использовал и дополнил другой немецкий поэт Альбрехт фон Шарфенберг (XIII век), который свою поэму "Новый Титурель" посвящает царю Иоанну и роли Грааля в Индии (книга III, главы 40-41). В сороковой главе поэмы, где автор очень подробно изображает царство Иоанна, он, несомненно, использовал ранее упомянутое легендарное письмо пресвитера Иоанна византийскому императору, местами воспроизводя его буквально.

Хотя в последствии о пресвитере Иоанне в "Новом Титуреле" и много сказочного, тем не менее оно представляет весьма значительный интерес и

содержит немало таких подробностей в описании Братства Грааля, которые нашли отражение и в других источниках. Потому напомним вкратце канву содержания поэмы.

Когда христианство, по мере своего распространения, стало все больше уподобляться язычеству, Хранители Святого Грааля сочли Запад слишком греховным и неподходящим для места пребывания высочайшего и самого священного сокровища на Земле, им взор их обратился на Восток - родину всех духовных ценностей и, по-видимому, также и самого Братства. И вот Братство Грааля с Парцифалем во главе отправляется из Европы на Восток. Их путь пролегает через разные сказочные моря и земли и сопровождается многими чудесами. Так, например, когда корабль Грааля проплывает мимо какой-то магнитной горы, та теряет свою силу. Наконец они прибывают в страну брата Парцифала, царя Фейрефица. Тот встречает их и, высоко вознося хвалу, рассказывает о могущественной стране индийского царя-священника Иоанна, вассалом которого является и сам Фейрефиц со своим государством. Власть Иоанна простирается на две трети всего мира. Его страна находится вблизи рая, который Бог отделил от мира высокой горой, светлой и блестящей, как стекло, и которая возносится так высоко, что преодолеть ее человеку не под силу. Даже птицы не могут взлететь на такую высоту. (Не напоминает ли это снежные вершины Гималаев?)

Священнослужитель Иоанн известен на небесах и Богу своими великими добродетелями. Также и жителям его страны присуща нравственная чистота; им неведомы зависть, скупость, воровство и суеверие. Страна его изобилует редкими чудесами природы: там есть источник, охраняющий от болезней (вспомним, что и в замке Грааля был "спасительный источник"), есть и драгоценный камень, дарующий человеку молодость. В распоряжении священнослужителя Иоанна имеется бесчисленное войско. Его обитель - чудесный Замок (напоминающий замок Грааля в "Парцифале"), который своими величественными очертаниями очень походит на апокалиптический Небесный Иерусалим. За трапезой священнослужителю Иоанну прислуживают многие короли, архиепископы, патриархи и т. д. Но не будем удивляться тому неслыханному богатству и

блеску, которыми автор наделяет царя Иоанна: ведь легенды, как правило, представляют духовные ценности в материальном свете.

Когда Парсифаль и Хранители Грааля выслушали рассказ о священнослужителе Иоанне, сердца их воспламенялись, и они отправляются дальше, в Индию, чтобы служить ему. Царь Иоанн, узнав об этом, выходит в торжественном шествии навстречу Граалю. После встречи все сердца пылают горячим желанием, чтобы и замок Грааля, и храм, построенный на Монсальвате, находились бы здесь. Сердечные моления возносятся Граалю, и Грааль внимлет молитве. Святой Замок не будет более находится среди развращенного народа: он исчезает с Монсальвата, и лучи утреннего солнца приветствуют его в Индии.

Теперь, когда чаша Грааля находится здесь, в святой земле Индии, в истинном доме своем, и пребывает в полной безопасности, Титуреля, бывшего хранителем Грааля на протяжении вот уже 500 лет, охватывает сильная тоска по райскому покою. Спустя девять дней он умирает.

Священнослужитель Иоанн, признавая святость, достоинства и могущество Парцифалья, предлагает ему корону своего государства, но когда тот из скромности отказывается, на чаше Грааля появляется надпись: "Парцифаль должен стать царем, но он должен принять имя Иоанна". Лишь десять лет правит Парцифаль, ибо на нем лежит грех: мать его умерла в сердечной тоске по нему.

Владыкой Грааля теперь становится сам священнослужитель Иоанн. Чаша Грааля более не охраняет от смерти, она только очищает души. Отныне всегда на чаше Грааля будет появляться имя того, кому суждено стать священнослужителем Иоанном.

Но на Западе, особенно среди рыцарей Круглого стола короля Артура, молва о Граале не умолкает, и во многих сердцах возгорается стремление найти его. В этих поисках рыцари странствуют чуть ли не по всему миру, но Святой Чаши так и не находят. далеко на Востоке пребывает Грааль, скрытый его Хранителями. Таков эпилог возвышенной поэмы

Альбрехта фон Шарфенберга (см. [101], т. 1, с. 661-5; т. 2, с. 267-276).

Также и Вольфрам в конце своей замечательной поэмы о Парцифале (786) говорит, что Грааль остается скрытым для человеческого ока и по сей день; многие со всех концов света в героической борьбе старались овладеть им, но безуспешно, ибо достичь этого может лишь тот, кого изберет сам Бог.

Поэтому "Новый Титурель" весьма напоминает другое средневековое эпическое произведение о пресвитере Иоанне, с которым нас знакомит в своей книге Царнке (по Мюнхенской рукописи, с. 993). К Мануэлю, королю Романскому, прибывают послы пресвитера Иоанна и читают ему письмо от своего владыки. (Здесь имеется в виду ранее упоминавшееся письмо византийскому императору). Романский король, много слышавший о могуществе бессмертного царя Индии, жаждет служить ему. Он созывает свой народ, и они все вместе отправляются в страну пресвитера Иоанна, в Индию. Царь принимает их благосклонно и вводит короля Мануэля в свой замок, где тот обретает бессмертие. Мануэль и все прибывшие с ним остаются жить в этом государстве.

В известном древнегерманском эпосе о Лоэнгрине, который исследователи считают несомненно более ранним трудом, нежели "Новый Титурель", и который Рихард Вагнер использовал в своей опере, повествуется, что Грааль хранится в Индии, среди неизвестных высоких и широко раскинувшихся гор; там же находится и община героев, вместе с самим Артуром. И Замок Грааля, и храм тут вдвое прекраснее, чем некогда на Монсальвате (см. [75], с. 231). Итак, здесь уже определенно указано, что Братство Грааля следует искать в Индии на высоких горах.

Величественно и провидчески вдохновенно изображает это же самое и Рихард Вагнер, повествуя о Граале:

"В краю святом, в далеком горнем царстве,

Замок стоит - твердыня Монсальват.

Там храм сияет в украшеньях чудных,

Что ярче звезд, как солнце дня, горят.

А в храме том сосуд есть силы дивной, Как высший
неба дар он там храним.

Его туда для душ блаженных, чистых Давно принес
крылатый серафим.

И каждый год слетает с неба голубь,

Чтоб новой силой чашу укрепить.

Святой там Грааль - источник веры чистой, Блаженны
те, кто мог ее вкусить.

Кто быть слугой Грааля удостоен,

Тому дарит он неземную власть,

Тому не страшны вражеские козни,

Открыто ими зло, враг черный должен пасть.

И если рыцарь послан в край далекий

За верность, честь и правду в бой вступить, Он и
там силы дивной не теряет,

Лишь имя в тайне должен он хранить.

Так чист и свят источник благодатный,

Что верить должен слепо человек.

А если в ком сомненье зародилось, Небес посол
тотчас уйдет навек.

Итак, вы тайну знать мою хотели; Я Грааля волей к
вам сюда пришел,

Отец мой - Парсифаль, Благовенчаный,

Я - Лоэнгрин, святыни той посол".

("Лоэнгрин", III, 3)

Рихард Вагнер, который в своем бессмертном труде о
Парсифале дал истинный апокатастис - возвращение к
первоначалу, спасение человека через Грааль,

высшее духовное озарение, - вновь и вновь в своем творческом воображении устремляется на Восток в поисках Грааля: таким паломничеством на Восток был, в частности, и его особый интерес к идее перевоплощения и к буддизму (он даже намеревался написать оперу о Будде, которую затем заменил Парсифалем). Поэтому неудивительно, что и мысль о существовании таинственного духовного царства на Востоке вплетается в узор его своеобразного мировоззрения, что отразилось и в его прозе. Так, в очерке "Нибелунги. Мировая история по преданиям" (1848) Вагнер касается легенды о "дивной стране в глубине Азии, в далекой Индии, - о древнем божественном царе-священнике, который правит там безгрешным и счастливым народом, бессмертным благодаря чудотворной святыни, в сказаниях именуемой святым Граалем". От восточного рода "властителей мира" Вагнер производит древнегерманский идеал Нибелунгов, и "последнего потомка этого древнейшего рода первокоролей" он видит в известном короле Фридрихе I, который в сознании немецкого народа преобразился в легендарную идеализированную личность. Грааль, так же как и понятие первокоролей, рассказывает Вагнер, пришел в Европу с острова высочайших гор Азии, Гималаев, прародины человечества и всех религий, распространяя свет знания среди западных народов, и по исполнении своей миссии вновь вернулся "в далекий восточный край, где, как и прежде, хранится в некоей твердыне на высоких горах Индии". "Поиски Грааля сменялись борьбой за сокровище Нибелунгов; и так же как западный мир, внутренне неудовлетворенный, в конце концов устремился дальше Рима и Папы, чтобы найти истинное место спасения в Иерусалиме у гроба Спасителя, и так же как и оттуда он устремлял свой духовно-чувственный, полный неутоленной тоски взор еще дальше на Восток, в поисках древнейшей Святыни человечества, - так и Грааль из погрязшего в грехе Запада ушел обратно в недоступную и чистую, непорочную Родину народов" ([98], с. 50-1).

Среди средневековых трудов отметим старофранцузский роман о Граале "La Queste del Saint Graal", в котором последние рыцари Грааля Галанд и Парсифаль перевозят чашу Грааля в восточную страну Саррасу и помещают ее в "духовном замке" - "palais spirituel", где впоследствии похоронены и сами герои. Также в другом романе,

"Grand St. Graal", Галанд переносит Св.Грааль из Британии, которая уже недостойна лицезреть его, в ту же восточную страну, где чаша Грааля предстает перед ним во всем своем сиянии и красоте. Упомянем еще, что и древнекельтской легенде о Мерелине хранители священного сосуда Грааля отправляются на Восток. (О последнем подробнее см. [78], с. 670).

Ран в книге "Крестовый поход против Грааля" передает одну легенду, слышанную им уже в наше время от простых испанцев, что само по себе свидетельствует о том, как много столетий в народе сохраняется, хотя в измененной форме, воспоминание о том, что близко го сердцу. В замке Морнсегюр долгие годы хранился Св.Грааль. Но вот на замок нападает Люцифер со своими полчищами, чтобы вернуть себе камень Грааля, который некогда выпал из его диадемы. Хранительница Грааля Эсклармонда, укрыв чашу Грааля глубоко в недрах горы, сама превращается в белую голубку и улетает на горы Азии, где живет и по сей день в земном рае ([82], с. 145).

В средние века очень популярным было описание путешествия Иоганна Мондевиля (1356 г.)⁶ где изображено царство могущественного священнослужителя Иоанна далеко на Востоке, вблизи рая. А Иоганн Гесе в фантастическом "Итинерариусе" (около 1489 г.) власть царя-священника Иоанна распространяет "до самых крайних пределов земли", включая в его царство и земной рай, который находится на вершине огромной горы Эдем, настолько крутой, что взойти на нее невозможно. По вечерам, когда солнце заходит за гору, видна очень прозрачная (ледник?) и красивая стена рая. В этой стране находится и чудесный остров (блаженных), называемый "Radix paradysi" (корень рая), где три дня пролетают как три часа. Так воображение поэта нередко стремится слить воедино различные представления о стране обетованной своего сердца.

Сказание о пресвитере Иоанне оставило неугасимый огненный след и в русском сознании. Интерес к таинственному Востоку всегда был присущ русскому народу, постоянно соприкасавшемуся с племенами и народами Азии. Но наиболее ярко этот Восток олицетворяла для него "богатая" Индия, страна чудес, откуда с паломниками и купцами приходили на Русь самые фантастические сведения тверского купца

Афанасия Никитина (XV в.), но, конечно, немало было отважных странников-дальнепроезжцев и до него, о которых история молчит. Из самой Индии, этого неведомого края, в 1533 году впервые в Москву прибывает посол Великого Могола Бабура и вручает послание правителя Индии, в котором тот предлагает великому князю России дружбу и братство! С тех пор взаимные контакты обеих стран становятся все более частыми (см. [23], с. 121-207). Поэтому понятно, что и легенда о восточном царе Иоанне в конце концов в русском сознании тесно сплелась с представлениями об Индии и превратилась в своеобразное "Сказание об Индийском царстве", легенду, которая с XV века была очень распространена в русской литературе и оказала влияние даже на народные традиции. Эта легенда сохранилась в 47 списках, которые часто весьма разнятся в своих деталях. То, что латинский или южнославянский первоначальный текст письма пресвитера Иоанна снова и снова перерабатывался в древнерусских вариантах, говорит о том, что на протяжении веков эта легенда вызвала незатухающий интерес. (Обширную библиографию см. в [2], с. 78-83).

В одном из вариантов легенды греческий король Мануил направляет к сказочному индийскому царю Иоанну послов с дарами, наказав им разузнать о могуществе и богатстве Индийского государства. Иоанн радушно принимает послов, но говорит, что описать его страну невозможно, настолько она велика и обильна не только богатствами, но и чудесами. Если греческий король пожелает, он может сам прибыть сюда, и, став здесь младшим слугой, он будет богаче и могущественнее, чем теперь. Если он все-таки жаждет иметь описание Индийского царства, то пусть продаст свое государство и на вырученные деньги закупит бумаги и чернил и прибудет со своими писцами в его страну и попробует ее описать: но чтобы запечатлеть все чудеса и прекрасные мудрые дела, им не хватит ни бумаги, ни всей их жизни. Так царь Иоанн подчеркивает трансцендентное, неопишемое положение своего государства. Все же, не желая оставить послов Мануила без ответа, правитель Иоанн в немногих словах описывает чудеса своей страны.

Также в былинах о Дюке Степановиче даже сам гордый Киев кажется весьма бедным по сравнению с

могуществом Индии! Дюк говорит киевскому царю Владимиру: "У тебя, Владимир князь, столен-Киевский, платье как у нас у самого бедного; у вас в палатах-то белокаменных против нашего последний дом. У нас на небе солнце, и в тереме солнце, на небе луна, и в тереме луна!" Конечно, все это символы несравненных духовных богатств. К тому же автор былины считает Индию православной страной, которая даже по числу церквей превосходит Киев.

Русское сознание превратило пресвитера Иоанна в православного царя, который повсюду охраняет и поддерживает христиан; он "над всеми царями царь", и ему принадлежит все пространство, все земли; и только там, где "небо сходится с землей", там границы его государства. В пределах его страны, по-видимому, находится и земной рай. Вблизи рая раскинулось песчаное море, с высокими пустынными и необозримыми горами. По одной версии, король Иоанн живет на острове, вместе с браминами - мудрыми, благородными и высоконравственными людьми, смиренными, милосердными, все понимающими.

Не напоминает ли этот образ восточного правителя - "белого царя" из православной "Голубиной книги", которой тоже "над всеми царями царь" и

"Стоит за веру христианскую,

За дом Пресвятые Богородицы. Все орды ему преклоняются, Все языци ему покорялися...

Область его превеликая надо всей землей,

Надо всей землей, над вселенною *..."

* Здесь и далее все места в цитатах, набранные полужирным шрифтом, выделены Р. Рудзитисом. - Примеч. пер.

Также и царстве индийского царя Иоанна из русского "Сказания..." нет ни воров, ни завистников, ни лжецов. Над этой страной, полной материальных и духовных богатств, "Бог руку свою держит". Среди величайших чудес здесь магическое "зеркало праведное": кто глядит в него, видит все когда-либо содеянные им злые и добрые дела, и не только собственные грехи, но все то, что любой человек совершает в дом своем, а также дружеские или

враждебные действия других стран против русского народа.

Во дворце хранится чудесны камень кармакаул, "господин всем камениям драгим, внощи же светит, аки огонь горит", освещая тьму, а днем он как чистое золото (камень Грааля!). Или: в замке, который выстроен из драгоценных камениев мудростью Соломона, друга Иоанна, сияет камень, который виден далеко в море, он ярче огня – как звезда. Там находится также "негниющее" древо жизни. Помазанный его миром человек больше не старится и глаза его никогда не болят. Или: если в золотой зал вносят больного, он тотчас выздоравливает, глухой обретает слух, к немому возвращается дар речи.

Так в беге столетий в прославлении издревле желанного Края объединяются восторженные сознания многих народов.

Нет сомнения, что верования в "белый Остров" где-то на Востоке или в Индийское государство царя Иоанна дошли и до сознания древнего латыша, что видно хотя бы из следующего сказания:

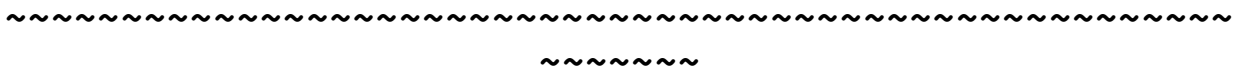
"Далеко за землями десяти королей раскинулось большое песчаное море, где вместо воды течет песок * . За эти морем лежит прекрасная страна, которой правит "Белый царь". Вместо камней там чистое золото, и вместо воды течет там мед! Царь живет уже тысячу лет и никогда не умирает. Ночью птицы приносят с неба вести о том, что случится в ближайшие дни, а также книги, писанные Богом. С собаками Белый царь посылает вести другим царям, ибо через зыбучее песчаное море людям не пройти. Но когда песчаное море перестанет течь, тогда Белый царь придет сюда с большим войском и всадники покроют всю землю золотыми подковами" ([93], с. 409).

* О "море текучего песка" говорят почти все ранее упоминаемые легенды, связанные с государствами пресвитера Иоанна. Под этим песчаным морем подразумевается, очевидно, пустыня Гоби в Центральной Азии. (Гоби на древнемонгольском означает "море песка").

Помимо уже названных, мы найдем в европейских библиотеках немало других источников, имеющих прямое или косвенное отношение к личности легендарного пресвитера Иоанна. Но все эти труды, как и сотни рукописей писем царя Иоанна и Папы Александра III и др., сохранившихся в пыли архивов до наших дней, несомненно представляют собой лишь небольшую часть той литературы на эту тему, которая существовала в средние века, но впоследствии по той или иной причине погибла. И потому можно себе представить, сколько сердец устремлялось в лучших чаяниях своих, чтобы познать сущность этой необыкновенной личности, окруженной сверхчеловеческим ореолом. Великое горение сердца, может быть, постигало в ней такие истины и свидетельствовало о них с такой верой, которая в наш омраченный сомнениями век могла бы показаться ребяческим безумием.

То, что многие сердца чуяли, вновь и вновь подтверждалось доходившими с Востока вестями от многих паломников: что где-то в Азии, среди неприступных гор, действительно обитает некий Род рыцарей духа, которые хотя и остаются невидимыми, скрывшись от глаз любопытствующих, тем не менее принимают участие в судьбах народов и всего человечества. Можно сказать, это Братство есть незримый духовный благодетель человечества. Им руководит Владыка, который и силой своего духа, и могуществом превосходит всех правителей и царей мира сего. Никто из исторических личностей не видел этого Владыку, но все были убеждены в его существовании.

Не напоминает ли это короля Темного Покоя и Рабиндраната Тагора, - владыку, который правит своим государством и поддерживает в нем образцовый порядок, но ни один из подданных ни разу не видел его, хотя все чувствуют его присутствие и абсолютно убеждены в его реальности?

Путешествие Аполлония Тианского в Индию

Обратимся теперь от мира легенд и полуисторических фактов к рассказам очевидцев, которым суждено было самим проникнуть в Братство или в один из его Ашрамов. В европейской литературе таких личных свидетельств сохранилось не много. Самым древним историческим

документом такого рода является книга греческого софиста Филострата о жизни великого греческого мудреца Аполлония Тианского [49], где подробно описано интереснейшее путешествие Аполлония в Индию.

Личность Аполлония Тианского, жившего в I веке н. э., предстает в самом удивительном свете. Как философ-новопифагореец, софист, путешествовавший из страны в страну, он своими речами оказывал мощное воздействие на сознание слушателей. Аполлоний слыл также провидцем и магом-чудотворцем, и ему, подобно Христу, приписывали божественное происхождение *. При жизни он был необычайно популярен, его даже обожествляли, в его честь римские императоры воздвигали храмы и чеканили монеты. Конечно, у него было и много врагов. Некоторые нынешние историки усматривают в его жизнеописании много "ненаучных", вымышленных событий и даже суеверий. Но точно так же и жизнь Христа можно считать "ненаучной", ведь и в ней много "чудотворных" деяний и других явлений, не вписывающихся в рамки повседневного опыта. Однако каждое духовно чуткое сознание воспринимает описание жизни Аполлония Тианского как воистину евангельски возвышенное. Жизнь Аполлония предстает перед нами в таком этическом сиянии и мудрости духа, какие присущи единственно великим мировым Учителям. Повествование о жизни Аполлония написал в III веке греческий софист Филострат, основываясь на рукописях, оставленных очевидцем, и на устных традициях. Если Филострат и домыслил кое-что по своему собственному воображению, если время внесло какие-то искажения и если очевидец не все понял, это все-таки никак не сказывается на истинности самих фактов, так же как позднейшие добавления не меняют сущность Евангелий.

* "Были ли среди людей, - говорит римский историк Вописк, человек более безупречный, более чтимый, более значительный и более божественный? Умершим он возвращал жизнь; он сделал и сказал многое такое, чего не в силах сделать и сказать люди. Кто хочет узнать об этом, пусть прочтет греческие книги, в которых описана его жизнь" ("Жизнь Аврелиана", XXIV, 8 - см. 10[, с. 232).]

Рассмотрим подробнее рассказ о путешествии Аполлония в Индию в гости к таинственному Братству мудрецов-браминов (гимнософистов?). Во время всего его путешествия происходит немало необычного и удивительного. Необычайное явление, можно сказать, представляет собой уже сам Аполлоний, который говорил своему ученику, что знает не только все людские наречия, но понимает и человеческое молчание - то есть язык мыслей.

В Индии Аполлония и его ученика Дамида сердечно принимает царь-философ Фроат, ученик упомянутых браминов. Фроат рассказывает Аполлонию о глубоком уважении, какое индусы питают к философии, и о серьезных испытаниях, какие налагают на взыскующих философии их учителя, и также высказывает глубоко правдивые слова о положении философского познания на родине Аполлония (в Элладе), которые знаменательны для всех эпох.

"У вас есть законы, - говорит он Аполлонию, - о смертной казни для фальшивомонетчиков и еще какой-то там казни за приписывание себе несуществующих детей, но за подлог и порчу философии (т. е. истины) не карает никакой закон и никакая власть этому не препятствует".

Затем царь Фроат рассказывает Аполлонию о браминах или подлинных мудрецах, к которым хочет отправиться и Аполлоний, и о том, какие трудности вырастают на пути непрошенных пришельцев в их обитель. Даже Александру Великому, когда он вторгся в Индию, не было разрешено посетить этот край. Это место находится между реками Гифас и Ганг. "Если бы даже Александр и переправился через Гифас и покорил всю округу, - рассказывает Фроат, - то все-таки не мог бы взять крепость, где обитают мудрецы, будь с ним хоть десять тысяч Ахиллов и тридцать тысяч Аянтов, ибо мудрецы не бьются с пришельцами, но отражают их, посылая

знамения и бедствия". Так были изгнаны Геракл Египетский и Дионис, с оружием вторгшиеся в Индию и пытавшиеся захватить это священное место с помощью своих осадных машин. "Мудрецы, казалось, пребывали в покое, но лишь воины приблизились, тотчас низверглись на них громы и молнии, прогоняя их и выбивая из рук оружие".

При расставании с Аполлоном царь Фроат дает ему рекомендательное письмо к старейшие браминов-мудрецов Иарху, в котором просит принять Аполлония дружественно, как божественного мужа. Вот содержание этого интересного письма:

"Царь Фроат Учителю своему Иарху и сотоварищам его: радуйтесь! Аполлоний, муж премудрый, полагает вас мудрее себя и явился, дабы поучиться у вас. Итак отошлите его не прежде, чем узнает он все, ведомое вам, и не пропадет ничто из науки вашей, ибо превосходит он всех людей памятью... Спутники его также достойны похвал за преданность свою столь великому мужу. желаю Тебе и товарищам Твоим всего наилучшего".

После долгого путешествия по странам, полным чудес, Аполлоний и его спутники прибывают в богатую и цветущую местность и наконец видят скалы, на которых стоит крепость мудрецов. Здесь проводник каравана в благоговейном ужасе падает ниц. Аполлоний понимает, что священная обитель мудрецов близка. Индусы боятся этих мудрецов больше, нежели своего царя. Также и сам царь, владеющий этою страню, часто является к мудрецам за советом, как выразителям божьего промысла. Когда путники приближаются к деревне, неподалеку от которой высится холм, на коем обитают мудрецы, они видят юношу, спешащего им навстречу. Мудрецам уже заранее известно о прибывании Аполлония, и они послали навстречу ему проводника, который укажет путь к святому месту. Путешественников поражает, что юноша говорит с ними по-гречески. Аполлоний оставляет своих спутников в селении, потому что проводник указывает ему одному следовать за ним, ибо "так велели Сами".

Холм мудрецов высотой с афинский Акрополь и окружен скалистыми обрывами, причем скалы то тут, то там воспринимаются как изваяния. Гора окутана облаком, и там обитают мудрецы, по желанию

становясь то видимыми, то невидимыми. Поднимающиеся на гору прежде всего видят колодец, излучающий ярко-синее сияние. Вода колодца почитается святой. Там же огнедышащий кратер, у которого индусы очищаются от невольных прегрешений. Эту гору считают центром Индии. Огню здесь поклоняются как святыне и получают его якобы прямо от лучей солнца. Ежедневно в полдень здесь поют гимны Солнцу.

Мудрецы-брамины, по словам самого Аполлония, - сверхземные существа, хотя и живут на земле "Они обитают на земле и не на земле, без стен оборонены и не владеют ничем, кроме всего сущего". При священнослужении в честь Солнца они, не предпринимая никаких особых усилий к тому, поднимаются в воздух на два локтя от земли *.

* Также о великом греческом философе Ямвлихе, который жил нравственно чистой и высокодуховной жизнью, передают, что он в мгновения восторга был способен подниматься в воздух на десять дюймов. Древние свидетельства утверждают то же самое о великом Учителе Будде. Также прославленному в буддийских традициях сиамскому королю Пиа Метаку, духу глубоких познаний и великой преданности, дана была способность путешествовать по воздуху, подобно самарийскому "волшебнику" Симону Магу (ср. также в жизнеописаниях Аполлония Тианского и Сен-Жермена [61] случаи их исчезновения!). Вообще в священных писаниях восточных учений неоднократно упомянуты подобные случаи из жизни великих подвижников духа, как вполне естественные факты, обусловленные закономерностями природы (современной наукой еще совершенно непознанными). Согласно Евангелиям, и Христос обладал способностью преодолевать притяжение земли, ходил по воде. Этот закон левитации, когда духовная энергия преобладает над физической и трансмутирует ее, подвластен лишь редким высокоразвитым существам. В новейшее время яркий пример тому можем найти в подвижнической жизни Св. Терезы (XVI в.). В 20-й главе своей замечательной автобиографии [94] она описывает, как однажды во время богослужения, опустившись на колени, в духовном экстазе она почувствовала, что ее тело поднимается над полом. Свидетелями тому были другие монахини, и она просила их не разглашать этот случай. Другое свое переживание она описывает

следующим образом: "Однажды, в то время как я читала проповедь и в церкви присутствовали знатные дамы, я почувствовала, что Господь снова творит со мною подобное (т. е. левитацию), и хотя сестры приходили и удерживали мое тело, все же это было заметно. Сердечно я молила Господа не являть мне больше такой милости, которая привлекает внешнее внимание, и, кажется, Он благожелательно меня выслушал, ибо до сего дня я осталась предохраненной". Также во время встречи Св. Терезы со Св. Иоанном де ла Круа при восторженном собеседовании оба подвижника духа поднимались к потолку помещения. Мы не можем не верить и той убежденности Гёте, с какой он в своем "Итальянском путешествии" рассказывает об итальянском святом Филиппе Нери (XVI в.), который момент экстаза мог подниматься над землей и даже удерживаться в воздухе ([11], с. 3446-7, 496). Такие случаи встречаются и в наши дни: ведь мы знаем очевидцев о феноменах индийских йогов и тибетских лам (как, например, на картине Н. К. Рериха, где изображен йог, сидящий на воде!). Но не будем искать далеко на Востоке: еще в начале прошлого столетия чудесным свидетельством закона левитации служила жизнь Св. Серафима Саровского. О случаях, когда Преподобный ходил над землей и поднимался во время молитвы на воздух, упоминают несколько монахов-богомольцев. Так, один очевидец передает: "Идем мы лугом, трава зеленая да высокая. Оглянулись, глядим: батюшка-то на аршин выше земли, даже не касаясь травы. Перепугались мы, заплакали и упали ему в ноги". А он запретил им рассказывать об этом до самой смерти его ([15], с. 89-90 и др.)

Понятно, ведь подвижники духа, в сущности, живут на грани двух миров - сфер физических и духовных энергий, и могут быть мгновения, когда этот потусторонний мир настолько магнетически насыщает и преодолевает все вибрации их физической сущности, что и она начинает подчиняться другой закономерности.

Днем мудрецы просят Солнце сделать землю цветущей и счастливой. Ночью они просят огненный луч не оставить людей во мраке. Это луч солнца, который брамины чудесным образом сохраняют. Мудрецы по желанию вызывают дождь ил разгоняют тучи и получают солнечный цвет. Без каких-либо

приготовлений они получают все, что только пожелают и чего у них нет.

Внешний облик самих браминов прост, но величествен. Они носят длинные волосы. Голову повязывают белой повязкой. Их священное одеяние, как называет его автор, очень простое и сделано из одного куска ткани, "из самородной шерсти, которую производит земля". Ходят они босиком. У каждого брамина имеются перстень и посох, обладающие чудесными свойствами. С их помощью могут добиться всего, но эти способности они хранят как тайну.

Когда Аполлоний входит в Обитель, Старейшина Братства - которого зовут Иарх - остается сидеть в своем украшенном кресле, в то время как другие мудрецы идут Аполлонию навстречу. Имя Иарх, вероятно, есть сокращенное греческое Hierarches, т. е. Владыка. (Некоторые исследователи пытаются образовать это слово от санскритского Arhat высшая духовная степень в буддизме). Разговор ведется на греческом языке. Аполлоний высказывает свое убеждение, что знания браминов намного глубже и божественнее его собственных знаний, поэтому он и предпринял это далекий путь, какого доселе ни один из его соотечественников не совершал. Начиная беседу, Иарх говорит, что не станет его расспрашивать, ибо ему уже все об Аполлонии известно. Он сообщает Аполлонию некоторые подробности из его жизни, и последнего глубоко поражают способности ясновидения старейшины индийской общины. Иарх говорит, что Аполлоний может приобрести эту мудрость и что он готов его учить.

После обряда поклонения Солнцу, когда все присутствующие поют гимны и на мгновение возносятся в воздух, начинаются философские беседы. Мудрецам, которые утверждают, что им известно все, Аполлоний по методу греческой философии предлагает вопрос: ведают ли они о себе? Ибо греки познание самого себя считали самым трудным. Иарх отвечает: "Мы потому и всеведущи, что прежде всего познали самих себя, - никто из нас не предался бы сему любомудрию, не постигнув прежде самого себя". Тогда Аполлоний спрашивает: "Кем же вы себя считаете?" "Богами", - отвечает Иарх. - "А почему?" - "Потому что мы хорошие люди".

Далее, : опрошенный относительно мнения о душе, Иарх отвечает, что тут их мнения совпадают с учением Пифагора и египтян, т. е. что он верит в реинкарнацию и даже помнит свои прежние воплощения. Также и Аполлоний помнит, что он в прошлой жизни был кормчим египетского корабля (или, переводя с языка символов, правителем Египта).

Аполлоний гостит у индийских мудрецов четыре месяца и знакомится с их жизнью и учением. Из этого учения биограф сохранил лишь редкие фрагменты, к тому же подчас пропущенные через призму субъективного восприятия *. В этом учении отражается и пифагорейство, и неоплатонизм, но, похоже, не чужды ему и элементы греческого политеизма. Иарх говорит, что они признают пять стихий, а не четыре, как греки: пятая – эфир, который они считают "первоначалом богов". Ибо все, что вдыхает воздух, смертно, но все, что пьет эфир, бессмертно и божественно **. Космос – живое существо. Он биполярен, в нем объединены женский и мужской принципы. Первопричина космоса – Бог. Но части света управляются многими другими богами. В сущности, весь мир наполнен богами (т. е. духами).

* В своем описании путешествия автор, по-видимому, главным образом основывается на воспоминаниях, оставленных учеником Аполлония Дамидом, которому разрешено было присутствовать лишь при некоторых беседах, притом он, вследствие своего небольшого образования, не был в состоянии во многое углубиться.

** По учению стоиков, эфир есть тончайшее первичное вещество, огненное дыхание вселенной, из которого все проходит и которое проникает все сущее.

Далее они беседуют об астрологических вопросах, обсуждают искусство ясновидения и предсказания – мантику. О людях, которые привержены искусству мантики, Иарх высказывается, что они посредством этого становятся божественными и трудятся во спасение человечества. Но пророчествовать может лишь тот, кто совершенно чист душой, чей разум чужд малейшего зла и кто всегда сохраняет чистую мысль. !"А стало быть, нечего дивиться, – говорит Иарх об Аполлонии, – ежели ведома сия премудрость

тебе, чья душа преисполнена эфиром". Дар пророчества тесно связан с целительной силой и врачеванием.

Сам Иарх также обладает исключительными способностями врачевания. В Ашраме нередко появляются люди и просители, которые ищут совета и помощи. Так, приходит женщина, сын которой одержим демоном, и Иарх дает ей средство для изгнания из сына злого духа. Затем Иарх исцеляет хромого; слепому возвращает свет очей; помогает советом роженице; обучает отца, как вызвать в детях отвращение к вину. Даже местный царь приходит за советом.

В пище члены общины довольствуются малым: лишь сушеные плоды и корни, и дары урожая.

Иарх дарит Аполлонию семь перстней, на которых начертаны имена семи планет; каждое кольцо надлежит носить в определенный день недели. Затем он знакомит его с удивительными животными, с редкими драгоценными камнями-самоцветами, которые притягивают все предметы и так сияют, что превращают ночь в день, и т. д. (Конечно, многое самое сокровенное, что было доступно Аполлонию и обсуждалось наедине, могло остаться неизвестным его ученику).

Иарх вообще относится к Аполлонию с большим уважением, называет его возвышенным и божественным человеком. Наконец, прощаясь, Иарх говорит Аполлонию, что не только после смерти, но еще при жизни многими он будет почитаться за бога.

Эти месяцы, проведенные Аполлонию у индийских мудрецов, дали ему чрезвычайно много для достижения полной зрелости и начинается его беззаветное неустанное служение человечеству. Многие в его жизни и учении напоминают Христово Евангелие смирения сердца. И его заповедь гласит: любите друг друга и помогайте друг другу. Его проповеди исполнены общечеловеческого гуманизма и любви ко всем живым существам. С терпимостью и уважением относился он ко всем религиям, в том числе и к греческому Олимпу, но своей миссией он считал их очищение и ускорение философского распознавания. Он объехал весь культурный мир того времени, от Вавилона до Испании, и повсюду учил

нравственности и истинной вере, творя чудеса, пророчествуя и исцеляя, закладывая благодетельные несокрушимые магниты духа во многих странах. Подобно Христу, он воскрешал из мертвых, прекращал эпидемии. Повсюду его встречали с большим уважением и вниманием, города присылали к нему целые делегации и просили его разрешить вопросы, связанные с моралью и религией. Истинно, многие страницы жизнеописания Аполлония читаются как высочайшее Провозвестие.

Все же ни одного великого духа не миновала чаша мученичества. Также и у Аполлония в конце концов появляется немало врагов, особенно из среды римского жречества. жестокому преследованию подвергся он, как христиане, со стороны императоров Нерона и Домициана. Когда Домициан вызывает его на суд, Аполлоний не скрывается, хотя знает, что ему грозит смерть. Он мужественно направляется в Рим и позволяет арестовать себя. Он терпит надругательства. Однако его не казнят, а заковывают в кандалы и заключают в тюрьму. Но в зале суда происходит чудо: Аполлоний внезапно исчезает, доказав таким образом, по свидетельству биографа, свою божественную природу, а равно и то, что перед судом предстал добровольно. В тот же день вечером, через несколько часов, он уже среди своих друзей в городе Путеола, хотя дорога от Рима до этого места занимала три дня *.

* Вообще предание приписывает Аполлонию способность "делимости духа", т. е. сообщается, что его одновременно видели в разных местах. Также о Пифагоре легенда передает, что он в одно и то же время находился в Турции и в Метапонте (город на юге Италии).

Об уходе Аполлония Тианского с земного плана сохранилось три версии. По одной, через два года после своего чудесного спасения из тюрьмы Аполлоний умер в Эфесе, "если только он умер", - добавляет биограф. По второй версии, его захватили жрецы в храме на острове Родос и заковали в кандалы. Но мудрец внезапно исчез в святилище: двери храма сами собою раскрылись навстречу ему и захлопнулись за ним, и был слышен девичий хор, который пел: "Оставь землю, вознесись на небо!" По третьей, самой вероятной версии, о которой сообщает книга "Криптограммы Востока", Аполлоний

на склоне лет опять отправился в Братство индийских мудрецов, где уже побывал в юности, и остался там.

Влияние описания путешествия Аполлония Тианского прослеживается также в древнерусской литературе, в частности в известной легенде из жизни Св.Зосимы [13]. Преподобный отшельник Зосима, который в русских житийных описаниях славился своей дружбой с животными и всеми живыми тварями, просит Бога позволить ему увидеть, как живут блаженные люди брамины. Тогда ему является ангел и указывает отправиться в страну, посетить которую лишь он один из многих признан достойным. Когда, после многих приключений, он подходит к широкой реке, деревья склоняются над водой подобно мосту, и по ним он перебирается на ту сторону. Зосима встречает человека, облаченного как бы в молнии, с ангельским лицом, одного из блаженных, и в страхе простирается перед ним. Тот приводит его к старцам Братства, которые кажутся ему подобными Сынами Божиим. Зосима остается там семь дней, чтобы описать жизнь блаженных браминов. Бог избрал их и поместил на этой земле; они без грехов, но не бессмертны, хотя живут многие сотни лет и умирают без болезней и без страха. Ангелы пребывают с ними и извещают о людских делах, а они денно и ночью молятся Богу за людские грехи.

Надо отметить, что понятие блаженных браминов некогда было широко распространено даже среди простого народа, особенно среди украинцев, которые весной даже справили особые "(б)рахманские праздники".

"Храм Жизни" по свидетельству Лао-Дзина

Попытаемся теперь прикоснуться к современным источникам, которые дают нам более прямые свидетельства, что такая община мудрых или Братство Грааля существует и в наши дни.

И все же, не кажется ли безумием в наш век индустриализации и торжества техники искать в этом мире основу того, во что с интуитивной убежденностью верили многие светлые умы средневековья, что 18 столетий тому назад Аполлоний Тианский пережил как высшую действительность, но что теперь нашему европейскому сознанию кажется столь фантастично-иррациональным? Когда весь земной шар географически исследован и описан, высочайшие горы покорены, и когда даже наша точная наука считает, что на нашей планете осталось мало неразрешенных проблем на физическом плане, как можно заводить речь о каком-то фиксированном в пространстве и во времени месте или явлении, о котором европейской науке было ничего неизвестно?

Но на самом деле нужно сказать, что наука еще не разрешила ни одной проблемы, относящейся к сфере тончайших духовных энергий или трансцендентных явлений. Тем не менее мы не можем отрицать, что также и эта сфера может быть объектом - и более того, подлежать точному исследованию, как часть того великого беспредельного Непознанного, исследование которого наука должна поставить своей целью.

Прошло почти две тысячи лет со времени путешествия Аполлония Тианского в священную обитель восточных мудрецов. Потому нас так поражает, что подобные же свидетельства встречаются и в наши дни, - свидетельства, которые во многом совпадают с описанием, дошедшим из седой древности. После первой мировой войны большое внимание привлекла к себе статья известного монгольского ученого-археолога доктора Лао-Дзина в "Shahghai Times", получившая широкий отклик в европейской прессе (пересказ содержания публиковался и в рижских газетах). В своей статье Лао-Дзин рассказывает, что он посетил недоступный для обычных людей "Храм Жизни", находящийся в малоизвестном нагорье Кунь-Луня, в самой труднодоступной части Тибета. Его сопровождал некий непальский йог, которому он однажды спас жизнь и который в благодарность за это поведал ему, что остаток своих дней он хочет провести в "Храме Жизни". В путешествии по Тибету им пришлось преодолеть невероятные трудности.

"После двух месяцев пути по пустыне Гоби и ужасным горным хребтам Северного Тибета, - рассказывает автор, - мы наконец достигли какого-то заснеженного нагорья, высотой около 15 тысяч футов над уровнем моря. Велико было наше изумление, когда вдруг далеко внизу мы увидели зеленеющую долину, плодоносная природа, тепло которой являли разительный контраст с пустынными снежными горами, среди которых мы находились. В этой долине мы увидели много зданий своеобразной архитектуры, вызвавших наше удивление".

"По одну сторону долины мы увидели мощную группу красивых зданий, которые возвышались над верхушками деревьев. Здесь-то, как я узнал после, и находился упомянутый "Храм Жизни", вместе со зданием библиотеки, астрологической башней (наподобие тех, какие строились халдейскими мудрецами), зданиями лабораторий и пр. Эти постройки, сложенные из черного базальта и серого гранита, стоят сейчас так же, как они стояли уже во времена Чингис-хана. Они древнее Великой Китайской стены, древнее самых старинных индийских пагод и, возможно, даже древнее египетских пирамид".

Все отшельники которые жили в этом уголке, давали обет абсолютного молчания. Потому-то это место, "хотя оно многие века являлось обителью великих духовных Учителей - Махатм и пророков, осталось до наших дней одной из величайших мировых тайн".

"Случайные путники, которые достигли этого священного места, или оставались там навсегда, или умирали от голода и трудностей на обратном пути в цивилизованный мир. Те же немногие, которые возвратились живыми, давали клятву не разглашать ничего из того, что они видели и слышали в святилище".

"Храм Жизни", который показал Лао-Дзину его проводник-йога, предназначен для исследования человеческого духа и его силы. "Может быть, это единственное место на земле, где люди различных религиозных верований и убеждений могут встречаться на нейтральной почве и сосредоточить все свои силы и способности на разрешение проблем, имеющих такое величайшее значение для блага всего человечества".

Обитатели этой длины живут совершенно обособленно от остального мира. Все необходимое для каждодневной жизни они производят своим собственным трудом... Самая большая ценность святилища – библиотека со множеством рукописей, а также катр и инструментов, необходимых для высших научных исследований. Лао-Дзин в своей статье останавливается главным образом на физических явлениях, ибо о чудесных духовных теориях и феноменах, которые там происходят, ему было запрещено писать. Он только упоминает, что адептам присущи ясновидение, телепатия и другие высшие способности, причем Лао-Цзин присутствовал при многих научных опытах. Среди всего прочего он видел, как адепты поднимались в воздух и даже становились невидимыми для физического глаза. Адепты живут многие столетия, однако выглядят как люди средних лет. Разумеется, все это – результат достижений несчетных веков духовной дисциплины и высшего знания.

Голос Востока

Это свидетельство монгола Лао-Дзина есть голос Востока. В то время как в Европе мы в исканиях устремляемся по следам Грааля, тщетно блуждаем в охваченных рационализмом и скептицизмом столетиях и пытаемся интуитивно приоткрыть истину в далеких, полумрачных легендах и символах, совершенно иная картина предстает перед нами, когда мы вступаем в Азию, когда вслушиваемся, о чем вздыхает и во что верует чистейшее и благороднейшее сердце духовно утонченных восточных народов. Духовное сознание Востока не только убеждено, но знает о существовании Высшего Братства на земле. И дело не только в том, что здесь оно пространство ближе – для мысли и духа нет ни пространства, ни расстояния. Лучшее восточное сознание не сковано панцирем сухого интеллекта. Оно мыслит сердцем, оно подходит к вещам и явлениям с простотою духа, как ребенок, и потому быстрее догадывается о том, что интеллект не улавливает. Особенно чувствительна психика у

среднего индуса, она куда более чутко отзывается на неслышимые и невидимые явления, ежели психика европейца, и позволяет ему гораздо быстрее воспринимать отвлеченные метафизические истины. Даже простой человек, не знающий грамоты, способен проявить духовное понимание, если только его сознание не заскорузло в догмах или суевериях. Именно это следование голосу сердца и развило в людях Востока тот усиленный огонь чувствознания, который так необходим всем тем, кто раздвигает границы познания в той или иной сфере умственной деятельности.

Во-вторых, Восток - страна мощных духовных традиций и опыта. Не зря Восток считается колыбелью древнейшей Мудрости, прародиной всех религий и философских идей. Также и учение Христа пришло с Востока. На какие бы высоты ни вознесся тот или иной народ или цивилизация в их своеобразной культуре или духовных достижениях, он всегда может найти хотя бы отдаленный прообраз своих достижений в какой-то религии или научном принципе, пришедшем с Востока. Сам воздух Востока насыщен мыслью о Вечном. "Нет ворот на Востоке, на которых бы не было начертано Имя Высшего Познаваемого" ([1], 58).

Эту духовную культуру человеческое сознание приобрело здесь в прямом соприкосновении с другими, более совершенными сознаниями, близость которых способна привести его в трепет и возжечь его. Человек Востока способен на безмерное благоговение и преданность по отношению к тем высоким духам, которые на долгом пути опыта накопили свет и излучают его другим. Поэтому и Рабиндранат Тагор говорит о своей родине, Индии: "В нашей стране тот, кто искренно любит Бога, пользуется таким уважением, которое на Западе может казаться почти кощунством" ([47], 57).

Индии ведомо истинное понятие подвижника духа. Уже с младенчества мать прививает индусу благоговение перед великими Риши седой древности - святыми, которые несли народам свет духа, из любви человечеству шли на страдания и жертвовали собой ради его блага, и делали человечество лучше. Самая первая заповедь, какую мать вместе с первыми словами любви передает своему ребенку, гласит:

"Люби высокого Учителя, отдай себя Ему; подражая Ему, ты станешь лучше и сможешь помогать другим!"

Нам, воспитанным в европейском духе, даже трудно представить себе, какое благоговейное понимание Учителя может быть вложено в душу индийского ребенка. Об этом свидетельствует хотя бы эта легенда:

"Маленький индус, познавший Учителя. Мы спросили его: "Неужели солнце померкнет для тебя, если увидишь его без Учителя?"

Мальчик улыбнулся: "Солнце останется Солнцем, но при Учителе мне будут светить двенадцать солнц!"

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу реки сидит мальчик, знающий Учителя" ([43], с. 89).

На Востоке, поистине, еще сохранилось понятие духовного Учителя во всей своей изначальной красоте. Воистину, что-то волнующе возвышенное проявляется в отношении ученика к своему Учителю-Гуру, к своему водителю жизни и наставнику в знании, в котором он видит сияющий всеми цветами радуги мост своего бытия, ведущий его к высшим мирам.

Это великое благоговение индусов перед Посвященными Духа очень наглядно передает также Эванс-Венц в книге о великом отшельнике и поэте Тибета Миларепе.

"Некогда европейских Святых считали - хотя и немногие громоотводами, которым приходилось отвращать Божью суровость. Это мнение близко распространенному среди индусов и буддистов убеждению, что великие Риши были и впредь пребудут Хранителями человечества. И по сей день цейлонский буддист молится, чтобы его новое рождение произошло среди богов Гималаев. Один бенгальский отшельник показывал мне снежные горы около Кайласа, на которых пребывают боги, неусыпном дозоре направляя духовный рост человечества. Хотя эти Существа и остаются незримыми для обычного человеческого ока, однако зрячие узнают их, и они открываются тем, у кого чистое сердце. Молчаливыми стражами взирают они в своем божественном

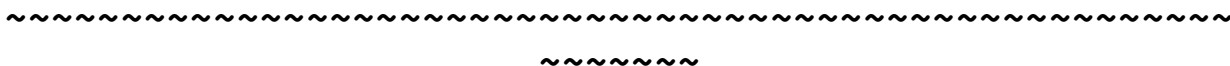
сострадании с Гималайских высот на землю, пока не завершится долгая ночь Кали-юги * и заря пробуждения не займет над всеми народами. Также и Миларепа, который был принят в Общину Озаренных, в одном своем песнопении рассказывает, что он, великий йог, посылает в мир мысли помощи, полные сострадания и духовной силы, подобно стрелам, и что они несут его благоговение всем готовым человеческим сердцам... Связанные с человечеством на земле и с Озаренными в сверхчувственной сфере, они выполняют более важную задачу, нежели все короли и правители человечества" ([63], с. 29-30).

* По Восточным Учениям, человечество сейчас переживает конец Кали-юги, эпохи тьмы, которую сменит Сатья-юга, эра света.

Вот почему взоры миллионов индийцев с величайшим благоговением обращены к лучезарным вершинам Гималаев. В неисчислимых сердцах во все времена пламенела сокровеннейшая мечта хотя бы раз в жизни посетить священные горы и прикоснуться к тем местам, которые воистину очищают и освящают. Кто знает, может быть на какой-нибудь самой уединенной суровой горной тропе, на краю бездны отчаяния страждущего сердца повстречаешь нежданно Его, нечаянное счастье своей жизни. Для индуса уже сами Гималаи являются символом великих Риши. Вековечные тропы тысяч лабиринтов Гималаев насыщены Их знанием и Их благой мыслью. Каждый придорожный камень - свидетель Их подвигов. Паломнику Гималаи кажутся поистине Небесной лестницей. Самое незначительное обстоятельство может прозвучать там для его сердца откровением. Там ведь Родина Богов, "Престол Бога", святая Гора Спасения, где ведут битву невидимые подвижники духа. Индус хранит также и легенды о то мировых Учителях, которые в начале своей миссии посетили Гималаи и унесли с собой их благословление на путь подвига.

Оттого и у Рабиндраната Тагора самым сильным переживанием детства было, когда его отец, мудрец-индус, взял его однажды с собой в Гималаи. И по сей день немало паломников, приближаясь святой горе Кайласа, или "Раю Шивы", которая для сердца их есть самое сокровенное место на земле, - последний участок своего пути вокруг заколдованной в лед горы в великом своем фанатизме нередко проходят на коленях. В пещере над пропастями

Кайласа некогда медитировал Миларепа, там погружались в духовное созерцание ученики Будды. В пещерах по горным склонам еще и сегодня путники встречают редких отшельников, которые в глубоком отрешении, в медитации стремятся достичь полного слияния с Высшим, а на сто миль ниже другой, динамичный ритм жизни требует в самой жизни найти пути восхождения.

Белый остров

Духовными воспитателями образованного индуса уже с детских лет были и поныне являются "Рамайна" и "Махабхарата" - великий эпос религиозного знания, где в строгих, музыкальных формах красоты открываются также высшие знания. В "Махабхарату", в частности, входит священная книга индусов. Провозвестие великого Учителя Кришны - "Бхагавадгита", которая уже сама по себе ознаменовала целую эпоху в росте сознания индийского народа. Эти эпические сказания зарождают у индуса и первое предчувствие о Белом Острове, где обитает семья богочеловеков. И тот, кто обладает чутким и понятливым сознанием и чистым сердцем, пытается объединить в сердце своем этот отзвук седой древности с чудесными сокровенными звучаниями настоящего.

Когда в "Рамайне" царь Равана, выступающий против Света, блуждая в поисках достойного противника встречает божественного мудреца Нараду, то спрашивает его: "Я знаю, что ты вечный странник по свету; скажи мне, где могу я встретить героя, в поединке с которым я мог бы утолить свою жажду сражения?" Нарада отвечает: "Здесь находится великий Белый Остров (Швета-Двипа) вблизи Млечного океана (Кширода) *, где обитают великие, могучие люди, прекрасные, как лунный свет. Они стройны и плечисты, наделены великой и физической и духовной силой, и голос их подобен грому. Силой безграничного внимания, преданностью и постоянным созерцанием, обращенным единственно к Богу Нараяне, они заслужили возможность жить в этой

счастливой стране. О Равана, я вполне уверен, что каждый из этих людей докажет, что он может быть противником твоей силе и твоему мужеству; так направляйся туда, и да благословит тебя Бог!"

* Вспомним, что и в сказаниях о Граале говорится о песчаном океане, т. е. пустыне.

И вот Равана направляется туда, исполненный предвкушения и жажды скорой битвы. Это чудесное место на земле насыщено таким ослепительным светом, что взор смертного не в силах вынести его. Но вокруг этого места свирепствует страшная буря, и все пространство оказывает такое мощное и сверхъестественное воздействие, что воздушное судно Раваны не может пристать здесь, и полководцы его, охваченные ужасом, отказываются воевать. Сам Равана все-таки на краткий миг попадает на Белый Остров, но это путешествие кончается для него плохо.

Во втором индийском эпическом цикле - "Махабхарате", написанном несколькими столетиями позже "Рамаяны", "Седой Мудрец" Нараяна поучает Нараду о том, где расположен Белый Остров, что искать его следует в Центральной Азии, к северо-западу от горы Меру, обители богов и полубогов. Вдохновленный Нараяной, одаренный силой высшей йогии, Нарада внезапно возносится в ментальном теле в пространство и мгновенно достигает вершины горы Меру. Здесь, с некоего уединенного места в северо-западном направлении, пред ним открывается необыкновенный и чудесный вид. На севере Млечного Океана он замечает обширный остров Швета-Двипу. Нарада посещает этот остров и встречает здесь обитателей с лицом белым, как лунный свет, крепких, словно выкованных из стали, наружностью своей и поведением подобных Богу, очищенных от всех грехов, наделенных самыми благими качествами, с таким светлым спокойным характером, который не может вызвать ни порицания, ни лести, и в таком лучезарном сиянии, при виде которого слепнут глаза грешника. Они достигли спасения и служат Всеединому - Нараяне, Душа которого выявляется на Белом Острове. Лишь высшее устремление и самая преданная жертвенная любовь дает им возможность созерцать Его и жить, сливаясь с Его сущностью.

В другом месте сказано так:

"Достигнув большого Белого Острова, Нарада,
владычный риши,

Тех людей светлых, сияющих подобно месяцу, увидел;

Он почтил их, склонив голову, и почтен был
мысленно ими.

Желая созерцать (бога), пройдя через все
самоистязания, шепча молитвы, стойкий,

На одном сосредоточась, певец, воздев руки,
погруженный (в священное самоисступление),

Вездесущему, бесконечнокачественному начал
хваленье"

([24], с. 26)

"Достигнув великого Белого Острова, узрев
непреходящего Хари

И возвратясь оттуда, раджа, Нарада поспешно
отправился на Меру, Сложив в сердце драгоценную
ношу того, что ему изрек запредельный Атман;

Этим словом его дух (атма) был сильно взволнован,
о раджа...

И в обширную область Бадари с воздуха быстро
спустился,

Тогда он увидел обоих богов, древних, превосходных
риши.

Творящих великий подвиг, утвержденных в Атмане,
(блюдущих) великие обеты,

Превосходящих блеском озаряющее весь мир солнце...

"Те, кто собираются там, которых все существа
почитают,

Которых я видел на Белом Острове, похожи на этих
двух превосходных риши"...

Когда оба сели, озарились (сиянием) круга..."

Упомянем еще одно замечательное сказание из "Махабхараты" о том, как эту страну посетили три паломника - индийские Муни, или аскеты и мудрецы:

"...На севере Молочного моря есть светозарный Шведатвипа (Белый Остров),

Там преданные Нараяне люди, сияющие, как месяц,

Нераздельной сутью благоговейно отдались Пурушоттаме;

Они проникают в тысячелучистого, вечного бога,

Свободные от индрий, благоуханные, не отвлекающие, не вкушающие пищи.

Единому преданы те люди, жители Швадатвипы.

Муни, туда идите, там являюсь вам".

Тогда все мы, выслушав то бесплотный голос,

Отправились в ту страну по возвещенной дороге.

Великого белого Острова достигли, того (бога) вождедея видеть, о нем размышляя.

Тогда мы утратили наше зрение (внешних) предметов,

Но мы не увидали Пуруши; его сияние лишило нас зренья.

Тогда труднодоступное возникло у нас постиженье силой преданности богу:

Не совершив предварительно умерщвления плоти, бога нельзя увидеть.

Тогда снова сто лет мы творили подвиг, столь великое время!

Закончив обеты, прекрасных людей мы увидали,

Отмеченных всеми добрыми знаками, светлых, сияющих, как месяц,

На северо-восток обращенных, брамин, постоянно
шепчущих (молитвы), сложив руки,

Умственное шептание молитв те махатмы творили;

Таким нераздельным сосредоточением ума ублажился
Хари;

Какие сияние солнца бывает в конце юги, о тогр-
муни,

У каждого из этих людей было такое сиянье;

"Этот остров - обитель сиянья" - так мы
размышляли:

Там никто не отличается: все одинаково сияют;

Тогда сиянье как бы тысячи одновременно
пламенеющих солнц возникло.

И вдруг, о Брихаспати, мы снова зрячими стали;

Тогда внезапно все разом бегом побежали те люди,

Молитвенно сложив ладони, радостно "Поклонение
(Намах)" повторяя:

Как единый мощный звук их возгласы воспринимались.

То было приношение, которое творили богу эти люди.

От его сиянья мы внезапно пришли в исступленье,

Силы зрения развивающийся звук отчетливо
воспринимали: "Тебе победа, голуболотосоокий,
поклоненье тебе,

О бытие Вселенной,

Поклоненье тебе, Хришикеша, ты - Человек, великий,
первородный!"

Такое слово, произнесенное как должно, мы слышали;

И в это время чистый, всеблаговонный ветер

Чудесные принес цветы и годные для жертвы коренья.

Так совершали жертвы (богу) Хари предельно сосредоточенные люди, блюдущие пять сроков,

Приобщенные высшему благоволенью мыслью, словом, делом;

Несомненно, там бог явился, где они произносили такое слово.

Но мы его не видели: его майя ввела в заблуждение..."

([24], с. 17-9)

Показательно отметить здесь, что с этими свидетельствами "Рамаяны" и "Махабхараты" о Белом Острове тесно связана также одна страница книги эзотерического знания - "Тайной Доктрины" Е. П. Блаватской.

Согласно древней легенде, по всей Центральной Азии, на север от Гималаев, когда-то простиралось огромное море, посреди которого находился чудесный, несравненной красоты остров, который населяли последние останки третьей расы. Это была раса, способная одинаково легко жить в воде, в воздухе и в огне, ибо она обладала неограниченной властью над стихиями природы. Это были, истинно, "Сыны Божьи" Элохимы, которые открывали людям высшие знания. Остров этот, согласно традиции, существует и по сей день в виде оазиса, вокруг которого простирается ужасающая огромная пустыня Гоби, где нет ни единого человеческого жилья. По морю с этим островом не было никакого сообщения, только подземные ходы, известные лишь Водителям. Память об этом острове, как далекий отзвук, сохранилась в сердцах некоторых людей Востока. Все Иерофанты греческих школ сообщали, что такой остров существует ([48], т. 2, с. 276; [55], т. 1, с. 589-90).

Что на самом деле некогда в центральной части Азии находилось море, которое впоследствии в результате катаклизмов превратилось в пустыню, где обитали Сыны Света, утверждается также в письмах Махатм ([76], с. 152; русский перевод см. [52], с. 168).

Восточные легенды, кроме того, свидетельствуют, что этот центр Азии и вместе с тем и всей планеты существовал всегда, с незапамятных доисторических времен, и его не коснулись ни всемирный потоп", ни другие катаклизмы, и что он пребудет до конца нашего планетного цикла.

Может быть, и древнегреческий эпический поэт Гесиод соприкоснулся, хотя и косвенно, с существованием это обители героев духа, воспевая в поэме "Работы и дни" острова блаженных на краю земли, близ океанских пучин, - эту страну обетованную духовных устремлений человечества, где после ужасных войн нашли прибежище некоторые избранные четвертого поколения или расы. Это был "божественный род героев", которых в древности именовали "полубогами на многодарной земле". Платон там созерцает души, которые очищались во многих кругах жизни и чья жизнь на земле была правдива и свята. Вообще острова блаженных, или Елисейские поля, первоначально представлялись древним грекам как обитель бессмертных героев и полубогов, а не как "царство мертвых", и только впоследствии они слились с понятием загробного рая.

Как эпические понятия о божественных героях, так и древняя полумифологическая наука индусов со всей определенностью говорит о пространственном существовании такого острова. Похоже, что древнеиндийские географы даже отмечали его на своих картах, ибо они считали Швета-двипу одним из континентов (островов) нашей земли ([20], с. 440).

Это напоминает мифический континент Уттаракуру, который также и буддийская легенда включает в число четырех мировых островов. В "Рамаяне", напротив, эта фантастическая страна изображена по ту сторону Гималаев. К северу от нее бушует сказочная река Шила: каждый, кто приблизится к ней, превращается в камень. Только совершенным чудом удастся переправиться через нее. ласковые, чистые дуновения ветра вечно веют в этом блаженном крае; живущие здесь не знают ни бед, ни забот. Круглый год деревья стгибаются под тяжестью плодов. Это место полубоги и семь великих Святых древности избрали своей обителью и здесь живут они в высшей радости. Продолжительность их жизни тысяча лет. Так древняя память о чем-то подлинно реальном

смешана здесь уже с гедоническими потусторонними образами.

Мысль о Священном Острове, конечно, не угасала в древнекитайском эзотерическом сознании. Чаще всего в трудах Лао-цзы и его учеников встречается утверждение, что где-то, в раю бессмертных, скрытые от этого мира, обитают святые люди, наделенные сверхъестественными способностями. Они имеют такую власть над своим телом, словно оно является лишь оправой для духа. Ни холод, ни солнечный зной не могут причинить им вреда. Также ничто не может ранить их. Они всесильны, всезнающи, вездесущи, они боги над всеми богами. Эти богочеловеки достигли бессмертия. Во времена императора Ханя (III век н. э.) верили, что существуют различные раи богочеловеков, которые находятся на востоке мира, далеко на островах в океане ([68], с. 86).

Об острове Высоких Учителей повествуется также в одном древнем даосском тексте, в рассказе о правлении императора Яо (XXIV век до н. э.): "Император Яо много заботился о народе и думал, что правит идеально хорошо. Но после того, как он посетил четырех Учителей на далеком острове Ну-ши, он признал, что он все только портил" ([95], с. 213; [95a], с. 34).

Отметим, что в Европе, уже за сто лет до Е. П. Блаватской, немецкий мистик Эккартсхаузен в своих трудах писал о некоем острове, который населяют Высшие Разумы человечества.

"С древних времен были люди, которые искали мудрость в чистоте своего сердца; но они жили скрыто и творили добро без шума. Некоторые из них были осмеяны, другие стали жертвой предрассудков и заблуждений, но мудрость всегда оставалась мудростью, и ее приверженцы трудились по великому Божественному плану на благо человечества. Моря отделяют страну, населенную мудрецами, от земли детей заблуждения. Их остров лежит вдали от известных земель и остается неоткрытым до тех пор, пока глаза людей не будут способны вынести свет божественного Солнца. Редко кому из смертных дается возможность ступить на их святые берега. Но время от времени их послы отправляется в разные части мира. Их дело распространять свет, искать

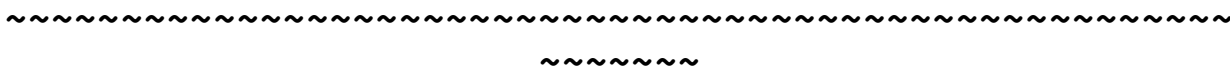
свет повсюду, где он только может излучаться. Эти посланники стремятся распространить божественную мудрость по тихим путям. Им известны самые сокровенные тайны природы. Они сближаются с людьми, которые идут по пути добра и правды, делятся с ними тайными знаниями и ведут их к свету, к способности постижения, к мудрости" ([62], с. 197).

Конечно, в Европе сведения о Белом Острове и Горной Обители можно встретить и в других трудах, особенно если их автор был членом какого-либо эзотерического кружка и знал или догадывался о существовании Братства Науки. Но эти сведения могут быть тем более сокрытыми и условными, чем глубже в анналах истории погружаемся мы в средневековье, когда философы-окультисты, опасаясь инквизиции, скрывали свои высшие знания под сложными алхимическими формулами или под полухристианской символикой розенкрейцеров, вполне понятной лишь близким ученикам и друзьям. Даже еще в XVII веке пользоваться такой символикой был вынужден Томас Воган, благородный "сын огня", алхимик и натурфилософ, погибший во время научного эксперимента. Воган, который обыкновенно писал под псевдонимом Eugenius Philathes, в книге "Lumen de Lumini" ([97]; [97a]) упоминает о замкнутости Высшего Братства и его адептов:

"Софист их (Братьев) мало ценит, потому что они не обнаруживают себя в миру, из чего он заключает, что подобное Общество вообще не существует, - ведь он сам не является его членом. Если найдется такой читатель, который будет настолько справедлив, что допустит причины, по которым они скрываются и не показываются открыто, то безумцы сразу же кричат: "Выходите же!" Никому нет дела до них из-за своих мирских интересов... Много ли людей исследуют природу, дабы познать Бога?"

В одном из первых своих трудов Воган описывает Невидимую Гору, где обитают Мудрецы, и путь, ведущий туда. Конечно, это можно понимать и как вершину духовного преобразования или эволюции, но за этой символикой Воган, должно быть, видел и другое, реальное понятие. Эта гора Мудрецов находится в центре мира, одновременно далеко и вместе с тем близко. Там хранятся богатейшие сокровища, но такие, которые мир не считает

ценными. Человек может достичь ее лишь собственным тяжким трудом и усилиями. Бесстрашному путнику надо отправляться туда темной ночью, и его поведет и будет охранять Проводник. По дороге на него будут нападать ужасные звери (т. е. его собственные страсти), но с помощью Проводника он их одолеет. В грозной буре, землетрясении и огненном пламени испепелится его земное имущество, и на рассвете откроется желанное сокровище, "благодаря Тинктура, при помощи которой можно было бы придать миру, если б он служил Богу и был достоин такого дара, другую окраску и обогатить его в чистейшее золото". Эту Гору Мудрецов Воган уподобляет древнеевропейской божественной горе Хорив. В другом месте он упоминает также окутанную облаками святую горную обитель Братства браминов Аполлония Тианского ([99], с. 381, 382, 375).

Шамбала

Сердце жителя Азии тысячелетиями хранило, лелеяло в своих самых сокровенных недрах то, что скрывается за этим словом, как свое самое священное, самое величественное понятие. При мысли об этом Белом Острове Братства, и даже при одном лишь упоминании его названия, сердце азиата наполняется священным трепетом.

"Народы Азии сохранили память о Братстве, - повествует одна из книг мудрости Востока. - Каждый по-своему, на своем наречии, своими возможностями, народы в глубине сердца хранят мечту о Прибежище верном. Не выдаст сердце свою думу о спасительной Общине, но среди горестей вспомнит, что где-то за вершинами живут Предстатели о народах. Одна дума то них уже очищает мышление и наполняет бодростью. Так будем уважать тех, кто не выдаст свое лучшее сокровище" ([6], 593).

Нынешнее название этого Белого Острова или Братства в сознании Азии - Шамбала. С этим словом на Востоке связываются самые благоговейные

чувства, это слово открывает врата дружелюбия и величайшего доверия.

Эта мировая Твердыня Света, которая уже испокон веков была овеяна самыми возвышенными надеждами и сокровенными чаяниями всех народов всех времен, как средоточие неземной спасительной мощи для всего человечества, сохранилась в сознании народов также и под другими названиями, преломленными соответственно их духовному развитию и пониманию и приближенными к их национальному характеру. Таким образом, в мировом сознании эти названия менялись со сменами эпох, рас и народов. Например, читая в древнекитайских священных писаниях, что император Юй Великий (XXIII в. до н. э.), благочестивый мистик и великий адепт, получил свое знание от "Великих Учителей снежной Горной цепи" в Си-Цзане (Тибете), где уже с незапамятных времен существовал центр Эзотерического Знания, мы, без сомнения, отнесем это к тому же понятию ([48], т.1, с. 338). Если ведантисты и буддисты говорят о небесах Трая-стришна, или о Тау-ли-тяне, священной обители Тридцати Трех богов древних Вед, или о Тушите, где пребывает грядущий Будда Майтрейя, Владыка Мира, или о Нирманарати или небесах Вайкунтха, или о Деджунге - "источнике блаженства и мудрости", или в конкретном представлении народа говорится о священной горе богов Кайласа или Меру, либо христиане говорят о Небесном Иерусалиме и Горе Сион, либо мусульмане - о Небесной Каабе и сокровенном чертоге Собрании Святых, который является прототипом Земной Каабы, или если мы вспомним также о других ранее упомянутых названиях, - то все они связаны с этим высоким понятием.

О том, как многострунна эта симфония сознаний, в которую народы облекли идеал своих предчувствий, чаяний и мечтаний, свидетельствует Н. Рерих в "Сердце Азии":

"Значит, и Азары и Кутхумпа относятся к Шамбале? Да.

И великие Махатмы и Риши? Да.

И воинство Ригден-Джапо? Да.

И многие из цикла Гэсэриады? Да.

И, конечно, Калачакра? Да.

И Арьяварта, откуда ожидается Калки Аватар? Да.

И Агарты с подземными городами? Да.

И Минг-сте? И великий Яркас? И Великие Держатели Монголии? И жители К'ама? И Беловодье Алтая? И Шабистан? И долина Лаодзина? И черный камень? И Грааль, *Lapis Exilis*, блуждающий камень? И Чудь подземная? И Белый Остров? И подземные ходы Турфана? И скрытые города Черчена? И подземный Китеж? И Белая Гора? И Субурган Хотана? И священная долина посвящения Будды? И Агни-Йога? И Деджунг? И книга Утайшаня? И Тиши-ламы? И место трех тайн? И Белый Бурхан?

Да, да, да! Все это сошлось в представлении многих веков и народов около великого понятия Шамбалы. Так же как и вся громада отдельных фактов и указаний, глубоко оцувствованная, если и недосказанная" ([40], с. 127).

Душа народов Азии хранит много чудесных легенд, пророчеств и сказаний о том высшем состоянии сознания, воплощением которого на Земле является Братство Мудрых, пространственно сокрытое, ведущее эволюцию человечества. Эти легенды и верования собрал Николай Рерих в своих возвышенных книгах о Шамбале (в русском издании - "Сердца Азии" [40], в английском - "Шамбала" [89]; об этом сокровеннейшем понятии Азии Рерих говорит и в дневнике своей Центральноазиатской экспедиции "Алтай-Гималаи" [88]).

Рерих, который с такой чуткостью постиг душу Азии, относился к монголу, тибетцу и индусу как к своим братьям, с глубокой человечностью и сердечной доброжелательностью вслушивался в голос их сердец, в их молитвы и чаяния, и эти высочайшие сердечные вибрации дали рождение страницам, которые и в европейце пробуждают священный трепет. Вот что говорит Рерих о том, что это сокровенное понятие отражается в восточном сознании:

"Если будет произнесено здесь (в Европе) самое священное слово Азии - "Шамбала", вы останетесь безучастны. Если то же слово будет сказано по-санскритски - "Калапа", вы также будете молчаливы.

Если даже произнести здесь имя великого Владыки Шамбалы – Ригден-Джапо, даже это громоносное имя Азии не тронет вас.

Но это не ваша вина. Все сведения о Шамбале так рассеяны в литературе. На Западе нет ни одной книги, посвященной этому краеугольному понятию Азии.

Если же вы хотите быть поняты в Азии, как желанный гость, вы должны встретить хозяев ваших самыми священными словами. Вы должны доказать, что эти понятия для вас не пустой звук, что вы цените их и можете ввести их в понятие эволюции.

Бурятский ученый Барадийн в своем недавнем труде о монастырях Монголии и Тибета сообщает, что в последнее время в Тибете, а главное в Монголии основываются монастыри в честь Шамбалы. В уже существующих монастырях учреждаются особые отделы Шамбалы – Шамбалин дацан.

Для случайного читателя это сообщение будет звучать метафизически, отвлеченно или ненужно. Современному скептику эти новости не покажутся ли каким-то предрассудком? Не суеверие ли? Эти дацаны Шамбалы потонут среди политических и коммерческих спекуляций нашего времени.

Но для знатока положения, который потрудился пройти необъятные просторы Азии, дацаны Шамбалы зазвучат как рог призыва. Для знающего эта новость получит значение реальности, многозначительной для будущего...

Древнейшие Веды и последующие Пураны и прочая самая разнообразная литература выдвигают необычное значение для Азии таинственного слова – Шамбала.

И в крупных азиатских центрах, где священные понятия произносятся уже со стыдливой оглядкой, и в безбрежных пустынях Монгольской Гоби слово о Великой Шамбале, или таинственной Калапа индусов, звучит как символ Великого будущего. В сказаниях о Шамбале, в легендах, преданиях, и песнях заключается, быть может, наиболее значительная весть Востока. Кто ничего не знает о жизненном значении Шамбалы, не должен утверждать, что он изучил Восток и знает пульс современной Азии...

В Азии, если я начну говорить во имя красоты и знания, я буду спрошен:

"Какая красота и какое знание?"

Но когда я отвечу: "Во имя знания Шамбалы, во имя красоты Шамбалы", тогда я буду выслушан с особым вниманием" ([40], с. 79, 80, 130).

Во многих вдохновенных картинах, образах и пророчествах Н.Рерих в "Сердце Азии" открывает нам сердце народов Востока. Кажется, будто Восток живет совсем в другом духовном измерении, совсем в ином круге идеалов, нежели люди Запада, поглощенные борьбой за существование. В срединной Азии, похоже, господствуют центростремительные силы. Конечно, зачастую эти силы еще наивны и большей частью, может быть, даже ограничены в сознании своем или затуманены суеверием, но все же сила эта пылает и в отдельных душах она может порою преобразиться в великое пламя преданности и духовности. Кто хочет по-настоящему понять рвение лучших сердец Азии, тому следует самому прочесть эту книгу вершинных видений Н. Рериха.

Приведем еще одну картину из экспедиции Рериха через Трансгималаи:

"Пройдя четыре снеговых перевала, уже в пустынном нагорье, мы опять увидели картину будущего. В долине, окруженной высокими острыми скалами, сошлись и остановились на ночь три каравана. При закате я заметил необычную группу. На высоком камне была помещена многоцветная тибетская картина, перед нею сидела тесная группа людей в глубоком почтительном молчании. Лама в красных одеждах и в желтой шапке, с палкою в руке что-то указывал зрителям на картине и ритмично сказывал объяснения. Подойдя, мы увидели знакомую нам танку Шамбалы. Лама пел о бесчисленных сокровищах Владыки Шамбалы, о Его чудесном перстне, обладающем великими силами. Далее, указывая на битву Ригден-Джапо, лама говорил, как без милости погибнут все злые существа перед мощью справедливого Владыки.

Горят костры, эти светляки пустыни. Опять сгрудились у огня разноплеменники. Все десять пальцев в восхищении подняты высоко.

Может быть, говорится, как Благословенный Ригден-Джапо является, чтобы отдать приказ своим вестникам. Вот на черной скале Ладака появляется могущественный Владыка. От всех сторон стремится к нему вестники-всадники, чтобы в глубоком почтении принять приказ, а затем понестись по всему миру, неся заветы великой мудрости" ([40], с. 103).

Сравним такую же картину в другом наблюдении глубоко взволнованного сердца из более поздней книги Рериха "Держава Света": "Опять валит снег. Высокие острые скалы окружают стан. Гигантские тени отбрасывались на их гладких поверхностях. Вокруг огней сидят закутанные фигуры. Издалека вы можете видеть, как они поднимают руки и в красных струях блестят все десять пальцев. с восторгом что-то говорится. Считается необозримая армия Шамбалы. Говорится о непобедимом оружии этого чудесного войска. Утверждается, что великий победитель, Сам Владыка Шамбалы, предводительствует. Шепчется, что никто не знает, откуда приходит сила Шамбалы. Но воины Шамбалы уничтожают все несправедливое, и с ними приходит счастье и благоденствие стран. Вестники Шамбалы уже появляются повсеместно... В молчании пустыни рассказывается священная история о победе света... Никакое воображение не сможет описать мощь Владыки Мира" ([38], с. 248-9).

А теперь свидетельство одного члена Монгольского Ученого комитета: "Вы знаете, что мы имеем несколько лам, обладающих большими духовными силами. Конечно, они не живут в городах или больших монастырях. Обычно они обитают в удаленных хутонах в горных убежищах.

Лет шестьдесят назад или пятьдесят тому назад одному из этих лам было доверено большое поручение. Он должен был выполнить его лично и перед смертью должен был передать миссию доверенному лицу по своему выбору. Вы знаете, что величайшие поручения даются Шамбалой. Но на земле они должны быть выполнены человеческими руками в земных условиях. Вы также должны знать, что подобные поручения всегда сопровождаются великими трудностями, которые должны быть преодолены силою духа и преданностью. Случилось, что лама частично выполнил свое поручение, но затем заболел и потерял сознание; в этом состоянии, конечно, он не

мог передать поручение достойному преемнику. Великие Держатели Гималаев знали о его затруднении. Так как поручение должно было быть выполнено на данных условиях, то один из Великих Держателей предпринял в величайшей поспешности утомительное путешествие от Тибетских нагорий в наши Монгольские степи. Поездка была так спешна, что Держатель оставался в седле по 60 часов, но таким образом прибыл вовремя. Он временно вернул ламе сознание, так что тот оказался в состоянии закончить вверенное ему поручение достойным образом. Вы видите, как Великие Держатели помогают человечеству. Сколько самопожертвования и какие земные трудности они принимают на себя, чтобы помочь Великому Будущему".

"...Эти мудрые Махатмы, - рассказывает некто другой, - они в вечных трудах направляют нашу жизнь. Они управляют внутренними силами, и в то же время как совершенно обычные люди, они появляются в разных местах и здесь и за океаном и по всей Азии" ([40], с. 117-8, 89).

Рерих упоминает и другие примеры, когда люди лично встречали Махатм, Великих Душ, членов Высшего Братства. Конечно, тебе на чью долю выпало это самое неожиданное счастье, мало кому поведают об этом, ведь самое священное остается сокрытым в глубине сердца. И хотя и многие знают о существовании этих высших Существ, но присущая Востоку духовная скромность и великое уважение к самому священному покрывают эту тему молчанием, и потому путешественнику по Азии редко случается встретиться с этим вопросом. Но Рерих был одним из тех, кто смог открыть замкнутое сердце азиата... Вот еще несколько строк из книг Рериха о сердце Азии:

"Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными и световыми чудесами, прослушав свидетелей и будучи свидетелем - вы знаете о Махатмах. Я не собираюсь начать убеждать о существовании Махатм. Множества людей их видели, беседовали с ними, получали письма и вещественные предметы от них... Впрочем, вообще не пытайтесь убеждать. Знание входит в открытые двери. Если предрассудок существует, он должен быть изжит изнутри".

"Поистине, стираются условные границы. Вы заметили, что понятие Шамбалы соответствует лучшим западным научным исканиям. Не темноту суеверия и предрассудков несет с собою Шамбала, но это понятие должно быть произносимо в самой позитивной лаборатории истинного ученого. В искании сходятся восточные ученики Шамбалы и лучшие умы Запада, которые не страшатся заглянуть выше изжитых мерок. Как драгоценно установить, что во имя свободного познания сходятся Восток и Запад".

"Во имя этого мира всего мира, во имя мира для всех, во имя взаимного понимания радостно произнести священное слово - Шамбала" ([40], с. 122-3, 137).

Николай Рерих в изданном на английском языке сборнике очерков "Шамбала" обращается к этому самому возвышенному понятию в двух статьях. В первой - "Шамбала Сияющая" - слилось воедино высокая чудесная поэзия и великая сила священного созерцания. Высоко-торжественное мудрое спокойствие и глубочайшее чувство преданности, с каким написаны диалоги этого повествования, волнуют и духовно чуткое сердце европейца. Здесь беседуют двое - представители духовного сознания Запада и Востока: лучшее сердце Европы с яснейшим сердцем Азии. Вопросам европейца чуждо любопытство - лишь глубокое благоговейное желание прикоснуться к вратам Тайны всех Тайн.

"Лама, расскажи мне о Шамбале!" - почтительно начинает вопрошать сознание Запада.

"Но ведь вы, на Западе, ничего не знаете о Шамбале - и не хотите знать. По всей вероятности, ты спрашиваешь лишь из любопытства, и напрасно произносишь это священное слово".

"Лама, я не случайно спрашиваю тебя о Шамбале. Повсюду люди знают об этом великом символе под различными названиями. Наши ученые собирают каждую искорку об этом замечательном царстве...

"Лама, мы знаем величие Шамбалы. Мы знаем реальность этого несказуемого места. Но мы также знаем и реальность земной Шамбалы. Мы знаем, как некоторые высокие ламы ходили в Шамбалу, как на своем пути они видели обычные физические предметы.

Мы знаем рассказы одного бурятского ламы, как его сопровождали через очень узкий тайный проход. Мы знаем, как другой посетитель видел караван горцев, везущих соль с озер, расположенных на самой границе Шамбалы. Более того, мы сами видели белый пограничный столб, один из трех постов Шамбалы. Поэтому не говори мне только о небесной Шамбале, но говори и о земной; потому что ты, так же как и я, знаешь, что земная Шамбала связана с небесной..."

В таком величественном, исполненном красоты тоне написано все повествование. Нет смысла еще цитировать из этого труда - следует прочесть его целиком, поэтому помещаем его в конце книги.

К этому же понятию относится и другой очерк Рериха - "Подземные жители". Мы уже упоминали ранее об ушедших под землю замках света, о русских легендах про Китеж и чудь. Встречаются подобные легенды и на Востоке: о сказочной Агарте - подземном государстве, о таинственных ходах и пещерах, в которых будто бы обитают отшельники и святые. Эти легенды тоже имеют какую-то, хотя и отдаленную и всецело обязательную народному воображению, связь с Обителем этого Высшего Братства.

К понятию Шамбалы прикасается и сын Н.Рериха Юрий в монументальной книге "По тропам Центральной Азии", где он с широкой эрудицией ученого описывает ход Азиатской экспедиции, которой руководил его отец. Он также свидетельствует, что это сокровенное слово имеет чрезвычайное значение, особенно в душе народов Срединной Азии. На протяжении всей истории это слово вдохновляло не одно религиозное движение, зажигало не одно войско в битве. Также и теперь бесчисленные певцы повествуют о будущей битве Шамбалы, борьбе света с тьмой - битве, которая уничтожит зло в мире. Какое множество легенд отображают могущественную силу Шамбалы! Сколько писем на иконах и хоругвях Центральной Азии воплощают исполнение этих чаяний человечества! ([87], с. 157-8; [87a], с. 91-2).

В другом своем труде "К изучению Калачакры" [86] Юрий Рерих дает обзор текстов тибетского Учения Калачакра, разные версии и комментарии которого приписываются различным Владыкам Шамбалы; считается, что эти писания произошли из священной

Обитатели Братства. Автор указывает, что наряду с большим количеством трудов о Калачакре на тибетском языке имеется и особая литература, где описан путь в страну Шамбалу. "Поиск пути в царство Шамбала и духовное общение с Правителями Шамбалы, пишет автор, - всегда были излюбленной темой отшельников и святых людей Тибета. Веками легенды и богатейшие устные традиции складывались вокруг этого вопроса".

Авторы этих посвященных Шамбале книг - высокие лица из монгольских и тибетских буддистов. Один из ценнейших трудов по этому вопросу - "Путь в Шамбалу", написанный Таши-Ламой Третийим, одним из наиболее почитаемых руководителей духовной и политической жизни Тибета, - издан на немецком языке в переводе профессора А. Грюнведеля. Эта книга представляет собой такое нагромождение древних восточных исторических и географических названий священных мест и написана таким высокосимволичным языком, что, по существу, недоступна европейскому сознанию. Все же местами она заставляет сердце трепетать, подобно тому, как зачаровывают неизведанные трудноодолимые пути, ведущие к сияющей красоте вершин. Можно почувствовать, как за всем многоцветьем этого словосплетения проглядывает улыбка паломника, со всей преданностью сердца стремящегося к этому "Центру земли и религии", где обитают люди, одаренные трансцендентными силами, и где творятся чудесные дела. "Кто хочет направиться в эту страну, - повествует автор, - тот должен обладать силой заслуг добродетели и знанием Тантр; если этого нет, он должен опасаться, что злые существа осияют его на пути" ([71], с. 57). Не напоминает ли это полный тяжелой борьбы путь Парцифалья к замку Св. Грааля?

Н.Рерих упоминает также о замечательном труде одного высокого китайского священнослужителя, настоятеля монастыря Утайшань, "Красный путь в Шамбалу", в котором тоже описаны некоторые вехи пути в это таинственное место. Книга эта еще не переведена ни на один европейский язык.

Также и знаменитый русский исследователь буддизма В.Васильев в своем переводе труда Таранатхи упоминает о некоем "Дорожнике на Шамбалу" ([7], ч. III, с. 53).

Отметим здесь еще статью в английской газете "The Edinburgh Review" (1890, N352), где описано сочинение одного тибетца под названием "Путеводитель в Шамбалу" ("A guide for journey to Shamballa"). Там говорится: "Шамбала - это не мирской город. Он находится, как полагают, на территории Монголии, и каждый паломник, посещая Лхасу и призывая великих божеств, просит позволить ему в следующем воплощении родиться среди благословенных рощ Шамбалы" [102].

Другие свидетельства

Среди первых европейских авторов, соприкоснувшихся с этим самым священным понятием Азии, Н. К. Рерих и его сын упоминают двух патеров-иезуитов Каселлу и Кабрала, которые, в начале XVII в., разыскивая в Азии путь в Китайское царство, снискали дружбу тибетцев, и те поведали им о существовании "Ксембалы" (Шамбалы) - этой "очень знаменитой страны". Вначале Каселла полагал, что эта таинственная страна и есть Китай, относительно которого среди европейцев в средние века и позже не было ясности, но который теперь отождествлялся с Северным Китаем. Также и столица Китая имела название, довольно близкое к этому священному понятию, - Камбалук или Шамблей (или Хаенбалык, "Город хана" - ныне Пекин). К тому же в середине века именем этого крупного торгового и культурного центра назывался весь торговый путь через Среднюю Азию, или китайский "Шелковый путь". Позднее Каселла убедился, что Китай и Шамбала все же две различные страны. И он решил проникнуть в священную Обитель Шамбалы. Удалось ли ему это или нет - сведений нет; известно только, что он добрался до Шикацэ в Тибете и прожил там еще 23 года, до своей смерти в 1650 году. (Письма обоих монахов приводятся в [100]).

Н. К. Рерих упоминает об одной нидерландской карте, изданной в Антверпене с разрешения церкви в XVII в., на которой указано местонахождение Шамбалы.

Первым из европейских ученых, в чьих трудах появляется название этой "сказочной страны", был венгерский путешественник и востоковед Чома де

Кёрёш * (так, в пояснениях к его грамматике тибетского языка, изданной в 1834 году, неоднократно встречается это название). Шлагинтвейт в книге "Буддизм Тибета", упоминая об учении из Шамбалы, говорит, что Чома после "тщательных" изысканий будто бы даже установил географическую широту этого места (!?). Эти "точные сведения" - что могут дать они в лабиринте Гималаев искателю, который сам не был позван?

* Ч. де Кёрёш родился в 1784 г. В 1822 г. попал в Северную Индию, где занимался изучением тибетского языка и литературы. Умер в 1842 г. в Сиккиме.

Это сокровенное название изредка, чаще всего случайно, встречается и в других трудах по буддизму Тибета, а также в описанных путешествий о Тибету.

Из европейских тибетологов надо отметить и ранее помянутого Грюнведеля, который в другом своем труде касается этого понятия в связи с Калачакрой, Учением Владык Шамбалы ([69], с. 44, 60).

Уже в те годы, когда на Западе была основана ложа теософов и Е. П. Блаватская впервые открыто провозгласила сокровенное название Шамбалы, Пржевальский - выдающийся путешественник и первый русский исследователь Тибета - услышал в суровых и пустынных тибетских нагорьях знаменательное "предсказание о Шамбалыне, той обетованной земле буддистов", богатом острове в Северном море, куда со временем, уклоняясь от врагов перейдут из Тибета все последователи Будды. Их примет Владыка Шамбалына, который, собрав войско, прогонит всех врагов и восстановит буддизм во всех подвластных землях. Этот будущий Владыка, как святой и живое воплощение божества, в данное время живет в Западном Тибете. У этого святого имеется чудесный конь, на котором он за одну ночь летает в обетованную землю и обратно. Легенда еще сообщает, что у него был работник, который однажды ночью вздумал съездить к себе домой и воспользовался для этого чудесным конем. Но тот внезапно взвился стрелой и понесся вдаль. Показались совершенно незнакомые места. Всадник, испугавшись, повернул коня обратно. Наутро об этом узнал его хозяин и сказал ему: "Ты немного не доехал до счастливой

земли Шамбалын, куда мой конь только и знает дорогу" ([36], с. 167-9; [36a], с. 158-9).

Это сокровенное слово также принес в Европу и буддийский священнослужитель калмык База Гелонг, человек чистейшей души, который в 1891 г. из астраханских степей отправился в паломничество в Тибет. В оставленных им записях он упоминает, что в пути, в 40 верстах от Урги, он посетил седовласого духовно возвышенного ламу, который, высказывая ему свое расположение, сказал: "Я слышал, что к востоку от ваших кочевьев ночью показывается белый свет; этот свет есть свет рая Шамбалы" ([45], с. 132). Так каждый, кому довелось близко соприкоснуться с этим понятием, ищет местонахождение Шамбалы согласно своим представлениям.

Два десятилетия спустя паломничество в Тибет совершил бурятский ученый Г. Цыбиков, который в своей объемистой книге "Буддист-паломник у святынь Тибета" упоминает тибетских писателей, и среди прочих - труд третьего Панчен-Эрдени "Шамбалай-монлам" ("Благопожелания Шамбалы"), где предсказывается будущая священная война Шамбалы, в которой буддисты будут бороться с иноверными (лало). Окончательную победу одержит Ригден-Дагбо, двадцать пятый хан (владыка) Шамбалы, который в этой войне возглавит буддистов. Верующий буддист и по сей день обращается в своей молитве к Владыке Шамбалы, чтобы он в будущей священной войне принял его в число своих воинов. По мнению автора книги, битва Шамбалы есть нечто похожее на приход еврейского Мессии и на второе пришествие Христа ([51], с. 371, 372; [51a], с. 194, 195).

Эту же легенду, но в другой версии, встречаем также в недавно вышедшей книге о Гэсер-хане ([12], с. 18):

"Использував легенду о городе Шамбале, панчэн Балдан-Еши выдвинулся на первое место среди буддийского духовенства. Легенда о Шамбале была очень популярна у буддистов. Шамбала - мифический город севера, где должен будто бы второй раз возродиться буддизм после великой битвы с иноверцами (ла-ло). Эту великую битву будущего должен был возглавить панчэн, переродившись в качестве 25-го хана города Шамбалы. К этой битве

все буддисты должны были готовиться и молиться панчэну Балдан-Еши как будущему хану Шамбалы. Он написал две книги: одну под названием "Шамбалын монлам" ("Благопожелание Шамбалы") и другую - "Шамбалы лам-ег" ("Указание пути к Шамбале").

Знаменательно, что в монгольских мифологических легендах святая Шамбала отнесена к Сибири, к северу от "Центра Земли" - горы Сумбур-Ула (Меру) ([19], с. 141). И до сих пор многие чуткие монголы и тибетцы понятие священной Шамбалы относят не только к Сибири, но вообще к России, как к краю грядущих свершений, и в этом заключается великий пророческий символ. (Из писем Е. И. Рерих).

Наконец, упомянем еще одно очень важное свидетельство, на которое указывает Н. К. Рерих в "Сердце Азии". В Костроме, в России, после первой мировой войны умер старый монах, который, как оказалось, некогда ходил в Индию, на Гималаи. "Среди его имущества была найдена рукопись со многими указаниями об учении Махатм. Это показывает, что монах был знаком с этими, обычно охраняемыми в тайне вопросами. Так неожиданно разбросаны личные наблюдения и доверительные указания" ([40], с. 111-2). Об этом же говорит Н. К. Рерих и в книге "Твердыня Пламенная": "... в 1925 году на Волге, в городе Костроме, скончался старец, в бумагах которого нашли путь к святыням светлых Обителей Гимавата" ([41], с. 85).

Мимо этого самого священного понятия народов Азии не прошла и знаменитая путешественница и исследовательница Тибета А. Дэвид-Ниль, которая написала несколько книг о своих странствиях и о духовной культуре Тибета. В статье о Гэсэр-хане, о сверхчеловеческой жизни этого легендарного героя, с чьим именем связаны самые глубокие чаяния и надежды народов срединной Азии и образ которого имеет много общего с Владыкой Шамбалы Ригден-Джапо, она говорит: "Гэсэр-хан - это герой, новое воплощение которого произойдет в Северной Шамбале. Там он объединит своих сотрудников и вождей, сопровождавших его в прошлой жизни. Они все также воплотятся в Шамбале, куда их привлечет таинственная мощь их Владыки или те голоса, которые слышимы лишь посвященными" ([40], с. 93). Надо еще отметить, что название "Северная Шамбала", вероятно, возникло в Индии, как указание

на ее расположение к северу от Гималаев ([40], с. 128).

Ф. Оседовский, который во время русской революции попал в Монголию, в известной своей книге "Звери, люди и боги" последнюю главу "Тайна тайн - Владыка Мира" посвящает тому же вопросу. Хотя в его повествовании об Агарте * много фантастических измышлений, все же он приводит и такие факты, которые подтверждаются ранее упомянутыми авторами. Он почувствовал, что Агарта - это страна, где "учение высокое и самое чистое из всех" и где "по приказанию Владыки Мира появляются травы и кустарники; старые и слабые люди становятся молодыми и крепкими, а мертвые снова пробуждаются к жизни". Сначала Оседовский не придавал этой легенде большого значения, но снова прислушиваясь к часто противоречивым сведениям монголов, он сам, помимо своей воли, начал понимать, что это "реалистическая и могущественная сила, способная влиять на развитие политической жизни Азии". Он рассказывает, что первосвященники Лхасы и Урги неоднократно посылали своих вестников к Владыке Мира, но те не находили его. Также и барон Унгерн, предводитель белых войск в Монголии, дважды посылал отыскивать Обитель Владыки Мира. Первый раз его посланный возвратился с письмом от Далай-ламы. Но когда барон послал его во второй раз, тот уже больше не вернулся ([33], с. 217-9, 225).

* Осендовский, очевидно, писал об этом под влиянием очерка Сент-Ив д'Альвейдера "Миссия Индии в Европе". Хотя последний труд целиком посвящен "Агарте - государству посвященных", но в общем приведенные там сведения так далеки от свидетельств других авторов и правды, что здесь не имеет смысла останавливаться на нем подробнее.

Отметим здесь еще возвышенный труд французского писателя Жана Марке-Ривьера "Под сенью тибетских монастырей". Автор сам никогда не бывал на Тибете, но он полюбил эту страну как свою истинную родину, изучил тибетский язык и с глубоко проникновенной силой описал паломничество смиренной души к духовным высотам Тибета. В одном месте духовный водитель так говорит своему ученику:

"Это объединение намного совершеннее любой религиозной организации, оно полностью духовно,

хотя и существует на нашей земле; это великая тайна. Знай, что над всею землею и над всеми ламами правит Он, пред которым преклоняет главу даже сам Таши-лама, - Он, кого мы называем Владыкою Трех Миров. Его земное царство скрыто, и мы, прочие из "страны снегов", представляем собою его народ. Царство его для нас - обетованная земля, Непемаку, и все мы в сердце лелеем мечту об этом крае Мира и Света, как о своем родном доме... Святейшие среди нас уже ушли в Непемаку, в обители Мудрости Владыки Трех Миров... Для него день, что для нас цикл. Бессменно Он властвует над сердцами и душами всех людей. Он знает их самые тайные думы и помогает защитникам Мира и Правды" ([77], с. 136-7).

Позванные Братством

Заключая этот длинный ряд свидетельств, подкрепленных убежденностью чистого сердца, упомянем еще одну замечательную книгу - "Криптограммы Востока", которую собрала Ж. Сент-Илер. В ней приведены апокрифические сказания о Христе, Будде, Аполлонии Тианском, Св. Сергии и Матери Мира и другие восточные легенды, которые волнуют нас непосредственно возникающим ощущением реальности и своей духовной силой. Читая их, мы выносим глубокое убеждение, что собранные сказания являются подлинными свидетельствами жизни этих Совершенных Людей. Книга заканчивается апокалипсически огненными "Пророчествами о Шамбале и Майтрейе". В этих затаенных жгучих строках сердце все же может почуять и усмотреть многое.

"Можно найти песок золотой, можно найти драгоценные камни, но истинное богатство /Учение Шамбалы/ придет лишь с людьми Северной Шамбалы, когда придет время послать их... / Кто знает, не пришло ли уже это время?/"

На горах зажглись огни, приходит новый год.

Кто проспит, тот больше не проснется.

Северная Шамбала идет!

Мы не знаем страха. Мы не знаем уныния...

Подумайте чистыми мыслями, подумайте светлыми мыслями!..

Когда шествие с Изображением Шамбалы пойдет по землям Будды и вернется к Первоисточнику, тогда наступит время произнесения священного слова Шамбала.

Тогда можно получить пользу от произнесения этого слова. Тогда мысль о Шамбале даст пищу.

Тогда утверждение Шамбалы станет началом всех действий и закончится благодарностью Шамбале.

Великое и малое проникнется понятием Учения.

Священная Шамбала изображается среди мечей и копий в непобедимом доспехе.

Торжественно утверждаю: непобедима Шамбала!...

Завершился круг несения Изображения! В местах Будды, в местах Майтреи пронесено Изображение. "Калагия" - произнесено. Как знамя развернулось Изображение!..." ([43], с. 128, 130-1).

В этой книге кратко и евангельски проникновенно повествуется о том, как великие Учителя Будда, Христос и Аполлоний Тианский перед началом своей великой миссии отправлялись в Гималайскую Святую Обитель.

Мы уже читали рассказ о путешествии Аполлония Тианского в Ашрам Северной Индии в передаче Филострата, который, быть может, в чем-то и весьма далек от истины. Здесь же дана иная картина, которая убеждает и покоряет нас своей реальностью и благородством повествования.

"Сохранившийся рассказ о его жизни содержит повествование о посещении им Севера Индии. Дается подробное описание городов, мест и жителей, но совершенно упущен внутренний смысл его поездки. Правда, Аполлоний Тианский был известен как любитель долгих странствований, но это плохо объясняет его поездку.

Еще будучи молодым человеком, он слышал от одного ценителя и собирателя историй о существовании Обители Братства. Тогда он мало обратил внимания, но со временем, когда ему пришлось многое узнать и много увидеть, он вспомнил и в тайне духа решил посетить Север Индии.

У него был друг, большой ученый и принявший многие степени посвящения; к нему обратился Аполлоний Тианский за советом. Старец задумался и обещал узнать.

И вот через год пришел ответ. Старец обратился к Аполлонию: "Друг мой, воистину счастье с тобою. Мне пишут, ты можешь собираться в путь. В Кашмире ты встретишь одного моего друга - считаю, он может дать тебе необходимые указания. Итак, собирайся в путь".

Путь Аполлония был долог. На пути встречались разные люди. Один из встречных, как бы отгадывая намерение Аполлония, сказал: "Могу быть тебе полезным. Лицо, к которому направляешься, мне знакомо. Прошу тебя воспользоваться моим домом, когда достигнешь древней Гандхары". И встречный подал Аполлонию хранительницу даров. Аполлоний так и не узнал имени незнакомца.

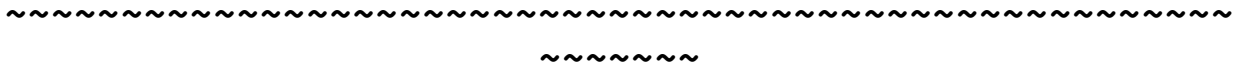
Достигнув Таксилы, Аполлоний нашел дом незнакомца и, подойдя к двери, ударил молотом. Дверь открылась, и молодой индус пригласил Аполлония войти. Тут только Аполлоний вспомнил, что не знает имени владельца дома. Привратник, видимо, ждал. Аполлоний, чтоб объяснить свой приход, показал хранительницу даров. Привратник сделал знак рукой и провел Аполлония в комнату, где стоял стол и два кресла.

Через некоторое время дверь открылась и в комнату вошел высокий человек. На нем был кафтан и знаки достоинства конного начальника.

Новопришедший назвал себя братом незнакомца и, как бы зная, зачем пришел Аполлоний, сказал: "Мои люди завтра проводят тебя". Наутро Аполлоний увидел во дворе несколько воинов и коней. Тронулись в путь и спешно доехали до Северных гор. Здесь воины оставили Аполлония".

Также сохранилось краткое сказание о возвращении великого Учителя на закате его жизни "к тем берегам, где он уже побывал с пользой для духа" ([43], с. 63-4).

Совершенно в ином ключе изображено отправление Владыки Будды в Ашрам. Это произошло еще в молодости, когда он, глубоко осознав великую майю (иллюзию) всей своей земной власти, богатства, блеска, личного счастья, тайно оставил свои царские покои, чтобы отправиться на поиски высшего знания, которое спасло бы людей от гнета страданий неведения.

Начало пути

Владыка Будда действительно покинул родной город. Действительно созерцал под деревом мудрости. Действительно учил в Бенаресе. Действительно окончил Учителство Свое в Кушинагаре, но века прибавили много басен.

Владыка покинул родной город на коне в сопровождении посланного слуги. Дорога лежала на северо-запад вдоль долины реки. Две недели продолжался ускоренный путь. Когда миновали горные проходы, кончился горный путь, дальше вела охотничья тропа.

Здесь явленный слуга оставил Его, но на прощание сказал: "Брат царевич, иди, и когда найдешь хижину охотника, передай ему этот кусок дерева". И дал Ему кусок дерева с тремя знаками.

Владыка шел семь дней по тропе. На восьмой день дошел до хижины. Дверь была открыта, и высокий старик, одетый в старую грязную поддевку, стругал дерево.

Владыка обратился с приветствием согласно обычаю Индии. Но охотник рассмеялся и указал на дерево. Владыка вспомнил о куске дерева и передал ему. Старик внимательно осмотрел знаки и добродушно

указал на стол в хижине. Владыка понял приглашение и отведал дичь и мед. Затем старик знаками указал Владыке отдохнуть.

Когда Владыка Будда проснулся, солнце только что озарило снега. Охотника не было в хижине, но со двора раздавался стук его топора. Но вот его фигура показалась в дверях и подала Владыке питье из меда. затем старик взял суму и копье и указал на солнце. Владыка понял, что пора в путь, и, взяв посох, вышел из хижины. Старик трижды поклонился Ему и указал следовать.

Подойдя к кустарнику, он раздвинул ветви, и обнаружилась узкая тропа. Он сделал знак Владыке следовать за ним и быстро пошел вперед, указывая на солнце. Так шли они до полудня; лес начал редеть, и стал доноситься шум реки; они вышли на берег.

Старик натянул лук и послал стрелу. Молча ждали они. Владыка снял с себя оставшиеся украшения и подал старику. Но тот указал бросить в реку.

Вот появился на другом берегу высокий человек, выдвинул челн и направился к ним. Кафтан его был оторочен мехом и лицо очень смуглое, широкое. Достигнув берега, незнакомец поклонился Владыке и пригласил в челн.

Владыка хотел проститься с охотником, но тот незаметно исчез. Незнакомец также хранил молчание. Достигнув берега, они сели на коней и стали подниматься в гору.

Ночью достигли они снегов и на рассвете спустились в Обитель ([43], с. 9-11).

Этой же восточной легенды касается Н.Рерих в книге "Пути Благословения" и "Алтай-Гималаи":

"По преданию, Будда принял посвящение в присутствии высших. Место посвящения названа "святейшая ступа", но где оно - не указано. Известны места подвигов Будды на Ганге. Известны места рождения и смерти Учителя - в Непале. По некоторым указаниям, посвящение совершалось еще севернее - за Гималаями, ибо на подвиг Будда пришел с севера.

Но где же Иисус был до тридцатилетия? Кто знает эти благие прибежища? - Где эти Кория Мориа? Можно ли их поведать?" ([39], с. 98; [88], с. 35).

И, наконец, туда же, куда шел Будда, отправился и Христос; может быть, по той же долине горной реки в окружении вершин, по крутой и почти недоступной тропе на склонах Гималаев. Что же может более окрылить дух великого Путника, нежели мысль после дальнего Пути на мгновение снова вернуться в Дом свой, чтобы здесь почерпнуть новую несокрушимую силу для своей высочайшей героической святой жертвы любви. Три года пробыл Христос в этом священном месте, куда его Другу, провожавшему его из пустыни Аравийской до Лахора, еще не было разрешено войти.

Приход Христа

Надо помнить день конца самого безрадостного приношения. Христос, который только давал, не приняв ничего. Эта решимость с ранних лет провела Его через распаленную пустыню, и ноги Его горели так же, как у простого погонщика.

Мы ждали Его, но, как бывает всегда, минута Его прихода была неожиданна. Мне подвели коня, и собирался я проститься с семьей, когда слуга заметил оборванного путника. Его длинное лицо было бледно и волосы спущены узкими прядями ниже плеч. И только серый холст покрывал Его тело. Даже тыквы для питья я не заметил.

Но жена первая пошла Ему навстречу, и когда после я спросил, почему она устремилась, она сказала: "Как звезда загорелась в моей груди и жар до боли брызнул жилками от нее". Ибо ходил высоко путник, когда подошел к шатру. И я понял, Кто пришел.

После пустыни принял Он лишь маисовый хлеб и чашу воды. И спросил коротко: "Когда пойдём?"

Я ответил: "Когда Звезда позволит". И мы ждали знака Звезды, и молчал Он, только говоря: "Когда?" И наблюдая звезды, я сказал: "В рыбах кровь". Он только кивнул головой.

Так ждали мы три года каждый день, и свет Звезды над нами сиял. Мне помнится, Он говорил очень мало о видении Света, когда маленький Мальчик принес Ему меч, и как Свет радугой лился перед Ним и беззвучно голос посылал Его идти.

Мне также указано было проводить Его, куда я сам не мог еще войти.

На белом верблюде выехали мы ночью и ночными переходами дошли до Лахора, где нашли казалось ждавшего нас последователя Будды.

Никогда не видел такой решимости, ибо были в пути три года. И три года пробыл Он там, куда я не мог войти.

Мы ждали Его и провели до Иордана. Так же белый холст покрывал Его, и так же одиноко пошел Он под утренним солнцем. Над Ним была радуга ([43], с. 44-5).

Путешествие Христа в Индию и Гималаи также отражено, хотя и по-другому, в "Тибетском евангелии", или повествовании о том, как жил святой "Исса, лучший из сынов человеческих", - манускрипте, найденном русским ученым Н. Нотовичем в одном из тибетских монастырей [31]. Этот манускрипт пытается разрешить загадку, где был Христос между 12-м и 30-м годами своей жизни, о чем хранят молчание четыре известных нам евангелия. Именно, еще в детстве он будто бы тайно покинул своих родителей и вместе с иерусалимскими купцами отправился в страну Инда, "чтобы усовершенствоваться в божественном слове и изучать законы великого Будды". По пути он посетил несколько восточных стран (в том числе побывал у последователей Зороастра в Персии), учился сам и учил других, исцелял и творил чудеса. В милосердии своем Учитель больше всего обращался к индийской касте отверженных, к шудрам, восстановив этим против себя браминов, и, преследуемый, отправился в Непал и Гималайские горы.

Николай Рерих в книге "Алтай-Гималаи" упоминает и другие версии пребывания Иисуса в Тибете: в частности, он будто бы посетил древний храм мудрости около Лхасы, где некогда жил Минг-сте, великий мудрец Востока, и ознакомился там со многими рукописями. Вообще, в Гималаях монахи низшей касты принимали великого Учителя с сердечным ликованием.

Древняя благоговейная память об Учителе Иссе и поныне жива среди тибетцев, и имя его произносится с большим уважением. Возвышенные предания о пребывании Иссы в Индии составляют незабываемые страницы "Алтай-Гималаев" *. В другой книге Рериха "Твердыня Пламенная" говорится о древних воспоминаниях-легендах о Христе, которые и поныне широко распространены в Индии ([41], с. 244-8).

* См. главу "Ладак" (опубликована полностью в журнале "Угунс", июль 1989, с. 7-12). - Примеч. ред.

Недаром в Трансгималаях, под сенью древнего Тибета, на земле незапамятной Арьяварты - родины духовной культуры индийской "Ригведы", - наряду с великими Риши и Йогами, слагавшими сознание индийского народа, учили и возвышенные Герои Тибета, носители высшего Разума: Падма Самбхава, поэт Миларепа, духовный реформатор Цонкхапа и многие другие, чьи имена до нас не дошли, - духовная энергия которых так мощно насыщает восприимчивые сознания, что даже самый темный ламаизм наших дней, погружившийся в сумерки суеверия и вырождения, не может отрицать это воздействие.

Кто знает, какие еще исполины духа - Махатмы и Риши, Архаты и Святые подвижники, цари чистого сердца и огненной преданности, - в веренице давно забытых эпох шли по тому же пути, крутому и трудному, но все же открытому, вверх по тропе, напоенной звоном водопадов и песнями вихрей снежных вершин, - туда, в сияющую святыню Гималаев, в Твердыню высшего Знания и Любви человечества или в один из ее Ашрамов. Кто из смертных знает эти незабываемые перевалы? Но эти гималайские тропы мудрости столь же древние, как и сама история нашей планеты. Ввысь по этим тропам, может быть, когда-то поднимался и древнееврейский

патриарх Илия, который еще при жизни покинул свои родные места, "понесшись в огненной колеснице". Ведь сердце Востока чувствует многое, о чем ум молчит. Так совершенно сознательно – и интуитивно – человечество, по крайней мере в лице его величайших представителей, в чаяниях своих неизменно устремлялось к тем Горным Вершинам, откуда, как оно всегда верило, придет его спасение.

Истории известны и другие замечательные имена, которым суждено дать новый импульс эволюционному продвижению человечества и которые перед тем посетили этот Великий Замок Знания.

О выдающемся враче XVI века, одном из величайших врачевателей всех времен Парацельс, объехавшем за свою жизнь чуть ли не полсвета, ходили слухи, что он из Европы отправился на Восток, посетил Константинополь и там будто бы получил от некоего адепта алхимии философский камень. Его ученик Ван Хельмонт даже уверял, что Парацельс в течение 8 лет был пленником татарского хана и там был посвящен в учение буддизма. Историческая традиция утверждает, что Парацельс в действительности посетил Тибетское Братство и провел некоторое время в одном из его Трансгималайских Ашрамов ([35], т.1, с. 427). Там пополнились и окончательно сложились его удивительные знания в медицине, которые он позже обнародовал в своих многочисленных трудах к сожалению, часто будучи вынужден говорить на языке символов, чтобы уберечь свои знания от инквизиции. Потому неслучайно Парацельс всю жизнь сохранял благоговейную память о Востоке и так глубоко осознал силу священного воздействия Гималаев, что вложил в уста араба Али такие слова. "Иди, сын мой, в Горы Индии и в их каменоломни и добудь там драгоценные камни, которые растворяются в воде" и добудь там драгоценные камни, которые растворяются в воде" (т. е. кристаллы духовности, которые преобразуются в сознании), – "Vadi, filii, ad Montes Indiae!"

Также о великом Христианине Розенкрейцере (жившем в XIV веке /?/), основателе эзотерического ордена розенкрейцеров, о ком сохранились лишь полуполюгендарные сведения, и известно, что он долгие годы провел в срединной Азии и по возвращении оттуда, подобно Парацельсу, был

вынужден "преподать Учение Востока в полухристианском облики, чтобы защитить своих учеников от преследования и мести фанатиков и ханжей" ([35], т. 1, с. 458).

Также каждый из близкого окружения Елены Петровны Блаватской, родоначальницы теософского движения, сопровождавших ее в свое время в Индию, мог засвидетельствовать, что она имела счастье провести несколько лет в одной из Священных Обителей Братства, там, куда для ее последователей вход был закрыт; там-то и обрели завершение ее несравненные эзотерические знания.

О таинственном и выдающемся государственном деятеле XVIII века Сен-Жермене, жившем накануне французской революции и признанном эзотерической наукой одним из Учителей Гималайского Братства, биографы рассказывают, что он бывал и в Восточной Индии, и в Китае, и даже в Японии, и кто знает, не посетил ли он по пути Тибетский Ашрам? Это и в самом деле была поистине генеральная личность, дух универсального диапазона, который, можно сказать, поистине виртуозно владел чуть ли не всем видами искусства и областями науки того времени, был также и глубоким мыслителем, официально путешествовал по Европе с миссией дипломата-примирителя, а тайно был руководителем многих эзотерических кружков. В великосветском обществе того времени о нем господствовало мнение, которое можно выразить словами Вольтера (сказанными, правда, с улыбкой): "Это человек, который знает все и который никогда не умирает". В самом деле, о его рождении и возрасте не было никаких достоверных сведений; ходили самые фантастические слухи, что он живет уже целые столетия, что он владеет "эликсиром жизни"; и их еще более подкрепляли рассказы многих очевидцев, что он действительно в своем "преклонном" возрасте сохранял чуть ли не юношеский вид. Также и уход его из этого мира был весьма загадочен. Хотя день его смерти отмечен в анналах церкви (27.12.1784), где также упомянуто, что его похоронили через три дня, все же какие-либо подробности о его смерти отсутствуют. Даже его друг и ученик последних лет принц Карл Гессенский в своих воспоминаниях мало что мог рассказать о его уходе, и было ли это просто случайностью, что Сен-Жермен успел "умереть" именно в то время, когда его друг

ненадолго отлучился другой город? Поэтому и высказывалась уверенность, что на склоне лет Сен-Жермен отправился в Тибетское Братство. Это, между прочим, подтверждают его слова, сказанные им перед расставанием Францу Греферу: "Я оставляю вас. Не старайтесь меня увидеть... Я уйду завтра вечером... Я исчезну из Европы и появлюсь опять в Гималайском царстве. Мне необходим отдых. Меня снова увидят через восемьдесят пять лет - определенно" ([67], т. 2, с. 149), (Сен-Жермен сказал это в 1790 году *). Интересно отметить, что спустя 85 лет, в 1875 году, было основано Теософское общество, причем руководители этого движения неоднократно встречались с некоторыми Гималайскими Махатмами. Также и традиция Востока утверждает, что Сен-Жермен действительно отправился в Тибет и что вместо него похоронен другой умерший. В мире Адептов нередко бывали случаи, когда Адепт, при окончании своей миссии среди людей, устраивал себе мнимые похороны, чтобы еще в физическом теле присоединиться к Братству. Поэтому на кладбищах сохранились пустые гробницы, когда погребенный был позднее увезен, находясь в состоянии как бы летаргии; либо же вместо "усопшего" был положен заместитель ([35], т. 2, с. 221, 376).

* Вообще жизнь Сен-Жермена овеяна легендами, и столь же запутаны и хронологические данные о его жизни. Известны приводимые некоторыми очевидцами факты встреч с ним после "официальной даты" его смерти.

Тайное исчезновение Сен-Жермена напоминает случай, который Блаватская приводит в "Разоблаченной Изиде" в связи с неким европейцем, появившемся в начале прошлого века в одном из Ашрамов Тибетского Братства.

"Братство Кхелан было известно по всей стране (в Верхнем Тибете); и одним из самых знаменитых его "братьев" был пелинг (европеец), который в самом начале этого века пришел сюда с Запада законченным буддистом... он говорил на любых языках, включая тибетский, и знал все искусства и науки, - так утверждает традиция. Святость его жизни и совершаемые им феномены послужили причиной провозглашения его Шабероном (высшим Адептом) по прошествии нескольких лет после его прибытия туда.

Память о нем и по сей день жива среди тибетцев, но истинное его имя - тайна, известная лишь шаберонам" ([55], т.2, с. 618).

Кто знает, не из этого ли царства Гималайских мудрецов когда-то, в начале своей миссии, пришел и Сен-Жермен - тогда нашли бы свое разрешение и все те апокрифические свидетельства, которыми окружена тайна его происхождения. Игуменья Кведлинбургского монастыря Амалия (сестра прусского короля Фридриха II), с которой Сен-Жермен дружески переписывался, спросила его однажды, из какой страны он прибыл. "Я из той страны, - отвечал он, - который никогда не правил ни один чужеземец". То есть из легендарного края Посвященных в Духе, которые не знали других властителей над собой, ибо они сами взвешивали судьбы человечества на чаше весов. - Не звучит ли в свидетельстве великого Мудреца как бы мотив извечной легенды Грааля?

В связи с этим может быть уместно упомянуть и о Николая Фламеле, французском алхимике-филантропе, жившем в XV в., в отношении которого народная молва терялась в догадках, откуда он берет средства на постройку такого количества благотворительных учреждений - больниц, богаделен, церквей и монастырей, и поэтому ему приписывали способность изготавливать золото при помощи философского камня. По гражданским актам Фламель считался умершим в 1418 г. Но некоторые авторы утверждают, что в расцвете сил Фламель покинул Париж, чтобы отыскать свою жену Пернеллу, которая за пять лет до того отправилась в Азию. А в книге французского путешественника и дипломата Поля Лукаса "Путешествие в Турцию", написанной в 1719 г., три столетия спустя официально признанной даты смерти Фламеля, читаем, что в одном из кружков алхимиков в Малой Азии он встретился с узбекским дервишем, который утверждал, что Фламель и его жена по-прежнему живы, хотя их считают умершими; что их гробницы в свое время оказались пустыми, а сами они с помощью философского камня сумели продлить свою жизнь; и что после мнимой смерти и они отправились в Индию, родину Посвященных, где живут и по сей день. Дервиш уверял, что ему посчастливилось в Индии встретиться и ближе познакомиться с Фламельем им его женой.

Мы не можем здесь обойти и другого великого духа, уже упомянутого ранее автора алхимических сочинений Томаса Вогана, которому молва приписывала обладание философским камнем, коим он, как универсальным целебным средством, лечил больных и превращал одни металлы в другие. О нем, так же как и о Сен-Жермене, никто не знал, "откуда он пришел и куда идет". Большею частью он находился в постоянных и нередко дальних путешествиях; по некоторым сведениям, побывал даже в Америке и, между прочим, также и в Восточной Индии.

Там, где кончаются подлинные свидетельства жизни, там расцветает златотканая легенда. В таком волшебном лучезарном сиянии предстает последний акт жизни и некоторых великих духов древности. Так, чудесным ореолом овеян уход некоторых еврейских патриархов. Но в сущности - что можем мы знать о жизни великих Адептов, которые сами сокрыли ее под покровом тайны? Например, известно, что великий мыслитель Пифагор учился в Индии у мудрых индусских гимносифистов - возможно, в каком-то Гималайском Ашраме? Ибо пифагорейцы знали о существовании Гималайского Братства. Также и Аполлоний Тианский свои сведения о местонахождении Святой Обители Мудрых, по-видимому, получил от пифагорейцев, среди которых он жил и которые сохранили эзотерическую традицию.

Из жизнеописания Плотина, оставленного его учеником Порфирием, мы знаем, что этот великий философ Эллады, вдохновленный своим учителем Аммонием Саккасом и мечтая познакомиться с индийской и персидской философией по первоисточникам, сопровождал римского императора Гордиана в походе на Персию. Но когда войско Гордиана было разбито и сам он пал в сражении, Плотин был вынужден спасаться бегством обратно в Грецию. Кто знает, может быть и он лелеял надежду соприкоснуться с Центром Знания? Если Плотин и некоторые другие греческие философы, которым не было суждено услышать Зов, так и не достигли самого Центра, то все же источником их знаний служили мистерии, в которых они получили посвящение и которые, по крайней мере в их сокровенном первоначальном виде, можно было считать отделами или ашрамами этого Центра. Также по сохранившимся в истории легендам и

жизнеописаниям можем догадаться, что некоторым Сотрудникам Братства выпало счастье посетить Святую Обитель еще при жизни, - конечно, Тем, чье возвращение было связано с особой миссией...

Но что, в конце концов, составляет счастье Высочайшего Сотрудника? - Непокколебимо исполнять священный долг своей жизни, свершать свой подвиг спасения человечества, пусть даже и в окружении врагов и среди опасностей, пусть даже зачастую в пустыне непонимания и когда только сверхчеловеческим напряжением полной преданности возможно выполнить свою миссию до конца. Что же это был за божественный огонь, который да силы апостолу Павлу, Джордано Бруно, Жанне д'Арк пойти на смерть? - Это их скрытая, безмерная радость, возносившая над всем, это предчувствие сердца, что где-то действительно существует Оплот Света, к которому магнит их пламенного сердца вечно устремлен и с которым он в существе своем един.

"Часы счастья - так называем ту степень развития сознания, когда, не удаляясь от жизни, Наши люди получают возможность присоединиться к Нам в Нашем Месте. Но почему никто из этих избранных не воспользовался этой возможностью немедленно? Но если развитие сознания представляется Вратами к Нам, то то же самое сознание указывает не покинуть Наши дела в час нужды. Самоотверженность растет из сознания...

Не следует понимать, что недостаток преданности удерживает наших собратьев временно от Нашего Места. Наоборот, именно преданность заставляет их отлагать удобство и свою радость...

Помните, дела Наши не всегда в нужде. Сеятель кончает горсть семян и отзывается на зов Хозяина - иду, Владыка! Калагия!" ("Агни-Йога", 338).

Путь к Братству

Естественно возникает вопрос: если такое Высшее Братство действительно существует на Земле, если ему близки радости и горести человечества, если оно управляет даже судьбами его, почему же оно не раскрывает себя миру, почему оно не участвует в мировых событиях явно и открыто?

На это мы должны ответить с точки зрения эзотерической науки или восточной духовной традиции: Братство участвует в судьбах человечества и на нашем физическом плане, а именно через своих Посланцев - великих Учителей и Вестников, которые задают основной тон симфонии духовной жизни человечества, - а также через других своих Сотрудников.

Когда человечество теряет понимание основ Высшей Истины, когда омрачение духа грозит поглотить свет сознания людей, когда религии застывают в догмах и нравственность приходит в упадок, - говорят Учения Востока, - и тогда из Братства приходит к человечеству великий Мировой Учитель, духовный Реформатор, чтобы очистить истину от сора тьмы и вновь и вновь влить огонь озарения в сознание человека, чтобы дать ему познание высшего смысла жизни и закон любви. Так пришли на землю Христос, Будда, Конфуций, Зороастр, Кришна и многие другие Учителя и ученики Их. Также многие пришли из Братства с иной, особой миссией как мощные философы - носители духовного синтеза, истолкователи писаний, святые, или даже как государственные деятели и титаны культуры.

Надо сказать, что в глубочайшей древности было время, когда о существовании Священной Обители Братства было так или иначе известно всем народам и когда самые высокие духовные представители каждого народа находились в постоянном общении с его Учителями. Вспомним указание в поэме Альбрехта фон Шарфенберга "Новый Титурель", что Братство Грааля вследствие греховности Запада было вынуждено отправить в Индию и замкнуться в высоких горах (надо полагать, в Гималаях), в неведомом недоступном месте. Это подтверждает, например, и ранее упомянутый Марке-Ривьер в своем труде.

"Некогда центр Владыки Трех Миров не находился постоянно там, где теперь. Были эпохи в этом цикле, когда Учение жизни познавалось и почиталось

почти открыто... затем духовный центр мира ушел от назойливого любопытства варваров на Восток, где пребывает и поныне, таинственный и скрытый от глаз людских...

Как прекрасны и полны славой были минувшие века! Ибо Мировой Учитель есть также Господь Истины и Мира. Но всегда темные циклы следовали за светлыми, по нерушимым Законам Судьбы... В ту эпоху, когда кровь заливает поверхность мятежной земли, лишь Мудрые знают о существовании Благословенной страны...

Зачем порицать нас, что мы храним молчание? Это вы, люди, закрываете глаза" ([77], с. 186-8).

Итак, были некогда эпохи, говорит эзотерическая наука, когда Братство было гораздо теснее связано с сознанием всего человечества, нежели теперь. Но почему же его образ позднее так потускнел в памяти народов? - это произошло вследствие погружения человечества в грубо-материальное, рационалистическое мышление и атеизм. По Учениям Востока, эта последняя эпоха была эпохой тьмы. Кали-югой, когда человечество все больше замыкалось в тесный круг своей самости, отмежевываясь от дальних миров духа; когда большинство человечества отпало от Иерархии Света и начало предавать забвению все высшие принципы, предавшись культу земных "благ". Тогда и Братство вынуждено было замкнуться, чтобы быть в состоянии беспрепятственно действовать через человеческое сознание, вдохновлять его и руководить его духом. Чтобы действительно остаться духовным центром нашей планеты и не превратиться просто в место паломничества газетных репортеров, Братство окуталось покрывалом тайны.

Николай Рерих рассказывает в своей книге, как спросили одного Махатму, почему они так тщательно скрывают свои Ашрамы. Тот ответил:

"Иначе бесконечные шествия с запада, и с востока, и с севера, и с юга наводнят Наши уединенные места, куда без разрешения никто не дойдет и не потревожит Наши занятия" ([40], с. 129).

Если бы даже Братство обнаружило себя и Братья стали видимы и известны всем, что проку было бы в

этом; ибо скоро неверие и сомнение опять завладели бы сознанием людей. Что можно доказать сегодняшнему человеку, с его интеллектуальным настроем на неверие и противодействие? Разве в наше время не происходят тысячи чудесных феноменов, и все же мы закрываем глаза и проходим мимо - или, в лучшем случае, относим их на счет "своеобразной реакции нашей нервной системы" и т. д.? Вот что сами высокие Руководители человечества отвечают по этому поводу в "Письмах Махатм":

"Что же касается человеческой природы вообще, она такая же сейчас, какую была миллионы лет тому назад: предрассудки, основанные на себялюбии, общее нежелание отказаться от установленного порядка вещей нового образа жизни и мысли... гордость и упрямое сопротивление Истине... - таковы характерные черты вашего века, и в особенности среднего и низшего классов.

Каковы же будут следствия самых поражающих феноменов, если предположить, что мы согласились бы произвести их? Как бы успешно все ни проходило, опасность росла бы пропорционально этому успеху. Скоро не стало бы выбора, пришлось бы продолжить в постоянном crescendo или же пасть... в этой нескончаемой борьбе с предрассудками и невежеством... Доказательство за доказательством требовалось бы... притом каждый последующий феномен ожидался бы более чудесным, нежели предыдущий... - хватит ли человеческой жизни, чтобы удовлетворить весь мир скептиков?"

"Вы порицаете нас за нашу большую сдержанность. Однако мы кое-что понимаем в человеческой природе, ибо опыт долгих столетий - да, веков - научил нас. И мы знаем, что пока остаются области, непознанные наукой, и пока тень религиозного догматизма коснеет в сердцах масс, мировые предрассудки должны быть побеждаемы шаг за шагом, а не штурмом. Как седая старина имела более нежели одного Сократа, так и туманное Будущее даст рождение не одному мученику".

"Получить... положительное подтверждение, что "Братья"... суть реальные существа... - эти побуждения... себялюбивы... Они себялюбивы, ибо вам должно быть известно, что главная цель наша не столько удовлетворять индивидуальные устремления,

сколько служить нашим собратьям - человечеству" ([76], с. 3-4, 7-8; [52], с. 12-4, 18-9).

В сущности, ни одному человеку ничего нельзя доказать, если пламя его сознания не тянется к Свету. Поэтому нельзя доказать существование Махатм, точно так же, например, невозможно доказать скептикам, которые не верят свидетельствам и рассказам других, что бывает северное сияние, пока они сами не убедятся в этом, узрев его собственными глазами и осознав это собственным умом. Так же усомнились и в существовании многих титанов духа, ибо часто собственным измышлениям верят больше, нежели Истине; так и о Христе, как о мифе, написаны груды книг.

Если бы Старшие Братья человечества и вышли из своей Священной Обители, если бы даже они и показались как люди в чисто человеческом облике, никто бы не признал их, и мало нашлось бы таких, кто поверил бы им, ибо внешне они ничем не отличались бы от других людей; потому и Христа распяли. Чтобы узнать их, недостаточно одного интеллекта: требуется чувствознание сердца - ступень высокого духоразумения. Напротив, если бы Махатмы, великие Души, - говорит Восточная наука, показались бы в своем неприкрытом, духовном, в своем божественном облике, в своей истинной огненной сущности, взор и сознание человека не вынесли бы ослепительного сияния их Огненной ауры, ибо диапазон их психических вибраций совершенно иной. И более того - как же обыкновенный человек, со своим несовершенным физическим телом, духовные центры которого еще недостаточно развиты и подготовлены, мог бы выдержать невероятную напряженную, сияющую атмосферу Священной Обители?

Рерих в "Сердце Азии" рассказывает об убеждении людей Востока, что Священная Обитель Братства, в целях предохранения ее от вторжения непрошенных любопытствующих, окружена сильно психологизированной атмосферой, так что путники, находящиеся вблизи этого тайного места, никогда не заметят ничего такого, чего они не должны знать. Вместе с тем Рерих упоминает о свидетельствах многих очевидцев, которые во время путешествий неожиданно ощущали сокровенные границы и даже

чувствовали необычные вибрации воздуха и удивительные ароматы ([40], с. 114, 120).

"В обширной горной стране, - читаем мы в книге "Братство", нелегко отыскать Обитель Братства. Нельзя представить себе всю сложность горных нагромождений. Вы уже знаете и об особых мерах предохранения. Если и существуют знаки, обозначающие границы, то кто же поймет эти предметы? Если и существует описание пути, то в сложных символах кто найдет указания? Но даже неразумный поймет причины такой бережности. В жизни люди умеют охранить любимого человека. Где сердце и чувство, там найдутся и средства.

Обережем Братство!" (581).

Непроходимые лабиринты снежных вершин Гималаев сами по себе уже чудо, и такое же сверхчеловеческое Чудо - Святой Замок, Жар-цвет всех богоискателей, скрытый в Гималаях в каком-то недоступном месте.

"У М.. много башен и явлений стражи по склонам Гималаев.

Считайте - никто без спутников не пройдет снежную стражу. Гиганты среди льдов следят за рекою мира.

Льды чистым огнем цветут, и воздух насыщен озоном" ([21], с. 46).

"Теперь пора сказать признаки пути к Нам. Прежде всего, ясно ли принимаете существование Учителей?...

Почему же трудно принять, что группа, получившая знания путем упорного труда, может объединиться во имя Общего Блага? - Опытное знание помогло найти удобное место, где токи позволяют легче сообщаться в разных направлениях.

Вы, конечно, слышали рассказы путешественников о нахождении в пещерах неизвестных Йогов. Если вы продолжите этот факт в направлении обширного действенного знания, вы легко дойдете до ощущения группы Учителей Знания.

Как же найти путь к Нашим Лабораториям? – Без зова никто не дойдет. Без Проводника никто не пройдет! В то же время нужно личное неукротимое устремление и в то же время готовность на трудности пути.

По обычаю, приходящий должен известную часть пути пройти одиноко.

Даже бывшие в непосредственном сношении с Нами перед приходом не ощущают наших вестей, так должно быть по-человечески.

И одиноко приходящие, кроме глубоких причин, разделяются на два вида: лично стремящиеся и вызываемые для поручения. Никто без особого указания не узнает бывших у нас. Если Вестник наш не кричит на базаре, то и бывшие у нас умеют хранить Общее Благо.

Главный признак нашего зова – когда вас как крылья непреложно несут. Так примите нашу Общину Знания и Красоты. И будьте уверены, что можно обыскать все ущелья, но непрошенный гость путь не найдет.

Много раз бывали мы в ваших городах, нельзя назвать нас ушедшими от мира. Ведь и вы выносите обсерватории за город и заботитесь о предоставлении спокойствия ученым. Примите наше соображение и не сетуйте на отсутствие точного адреса.

Помните Работавших для Общего Блага!" ([22], с. 162-3).

Итак, как мы уже видели, Братство отнюдь не отгородилось от всех людей. Но реально прикоснуться к этому Фокусу наиболее совершенного сознания нашей планеты могут лишь индивидуальности, которые сами достигли соответствующего состояния сознания.

"Не думайте, что Братство наше скрыто от человечества непроходимыми стенами.

Снега Гималаев, скрывающие нас, не препятствия для ищущих в правде, но не для исследователей.

Различайте между ищущим и сухим скептиком исследователем. Погрузитесь в Нашу работу, и Я помогу вам на пути к Тому Миру" ([21], с. 104).

Кто же достоин войти в это сокровеннейшее место нашей планеты, которого, как сказано в Библии, "глаз не видел и ухо не слышало"?

Ни один турист или исследователь не войдет туда, пока дух его не зазвучит на самые утонченные вибрации. Ни один паломник или аскет не достигнет его, пока среди борьбы стихий самой жизни не достигнет он величайшей из побед - победы над самим собой.

"Искание Шамбалы так разнится в сферах духовных, и неужели люди думают, что найдут Общину Шамбалы нашествием или постом? Скажем тому, кто знает путь к Нам: "Иди путем любви, иди путем труда, иди путем щита веры!" Тому, кто нашел Образ Наш в сердце своем, Мы скажем: "Иди сердцем, и "чаша" путь утвердит". Тому, кто думает, что постиг свой путь самомнением, тому скажем: "Иди поучиться у духа, знающего завершение"" ([14], 24).

Сами Махатмы утверждают в своих письмах, что в Твердыню Знания надо устремляться всеми огнями своего духа, кровью сердца. Путь этот требует коренного поворота и обращения ввысь всей сущности человека.

"Да, мы знаем свои школы и своих учителей, своих неофитов и шаберонов (высших адептов), и дверь всегда открыта для верного человека, который стучится. И мы неизменно приветствуем новоприбывшего, - только вместо того, чтобы нам идти к нему, он должен сам прийти к нам. Больше того: до тех пор, пока он не достиг той точки на тропе сокровенного учения, с которой возвращение невозможно, бесповоротно отдав себя нашему Братству, мы никогда не посещаем его и не переступаем порога его дери в зримом облике, за исключением случаев крайнего значения.

Есть ли среди вас кто-нибудь, так сильно жаждущий знания и тех благих сил, которые оно предоставляет, чтобы быть готовым покинуть ваш мир и прийти к нам? Тогда пусть приходит; но он не должен думать о возвращении, пока печать тайны не

сомкнула го уст, даже против его собственной случайной слабости или неосторожности. Пусть он идет всею силою, всеми способами, как ученик к Учителю, и без условий, - или же пусть ждет, как это делали многие другие, и удовлетворяется теми крохами знания, которые могут выпасть ему на его пути" ([76], с. 8-99; [52], с. 20).

Путь этот требует мощной, неукротимой, бесконечной жажды Истины: "Приблизься всеми силами, наблюдай всеми мерами, исследуй всеми способами, познавай всем дерзновением, являй неутомимость и восполняйся каждым нахождением Истины!"

Но чтобы доказать, что он достоин откровения Высшей Истины, человек должен на этом пути взрастить в себе и готовность к жертве активной любви...

Кто отправится на поиски Замка Святого Грааля, забывая о своих обязанностях перед своими ближними и человечеством, тот его не найдет.

Только полностью принося в жертву свою самость ради великого жизненного служения, только очищая свою сущность в пламени каждодневного незримого подвига, преодолевая все трудности с сердечной кротостью и преданностью Тому, кого сердце возлюбило превыше всего, только этим путем, рано или поздно, взойдет душа к Сокровенным Вратам. Ибо мост к Высотам открывается лишь Жар-цветом духовности преданностью.

Такой человек все же не дерзнет сам искать это место, даже если б и знал или чуял нахождение Его. Ибо придет час, - и время это наступит само, - когда пройдет он сквозь горнило жизненных испытаний и сожжет в них карму своего прошлого, и сознание его раскроется, как цветок лотоса, всеми красками сияющей радуги благих качеств, и тогда из глубин его сердца зазвучит несказанный Голос, Зов Владыки Святого Грааля - Калагия!...

Махатмы - старшие Братья человечества Если сознание Европы в последние столетия, по существу, хранило молчание о Братстве Грааля, если и на Востоке о нем знали лишь в тайниках сердца и по легендам или редким полуисторическим сказаниям, то в наше время вновь и вновь появляются вести о нем,

иногда случайные, а иногда и сознательно утверждаемые. Не окончился ли теперь это долгий период молчания? – Учения Востока говорят, что теперь, на пороге новой ступени сознания человечества, Братство решило вновь явить свой лик – показать народам Земли, что оно существовало испокон веку и до завершения эволюции планеты неизменно будет пребывать на своем высоком дозоре во благо восхождения человечества, как его незримый Друг и Воспитатель.

Первым человеком, открывшим западному сознанию существование Братства, была основательница теософского движения Елена Петровна Блаватская, которая своим грандиозным трехтомным трудом "Тайная Доктрина" [56] (русск. перевод – [48]), катехизисом эзотерической науки, дала фрагмент Космического Знания Братства, доступный современному уровню сознания. Этой новой необычайной вестью знания был заложен краеугольный камень храма Науки грядущей эпохи.

В связи с нынешним более высоким, в среднем, уровнем интеллектуального развития человечеству становится доступной часть тех высших истин, которые в древности открывались лишь посвященным в мистериях, или же великими Учителями своим ближайшим ученикам. Ради ускорения развития человечества совершенно необходимо, чтобы точная наука наших дней, используя опыт и методы эзотерической науки, начала исследовать эту область непостижимо тонких и все же, быть может, самых реальных энергий, называемых духом или психической энергией, и вместе с тем могла бы доказать также существование иного, Тонкого мира и непрерывность человеческого сознания.

Во-вторых, ради эволюции человечества особенно важно, чтобы наука пришла к подлинному пониманию строения Космоса, что преобразило бы сознание людей Земли и укрепило бы их на сотрудничестве с Космическим законом и Высшими Мирами.

Основополагающий, но неоконченный труд Блаватской был в нашем веке продолжен тем новым Учением или наукой, которую называют Живой Этикой или Агни Йогой [1, 3–6, 14, 21, 22, 27–29, 32, 44].

Принесенная в мир Е. П. Блаватской и ее ближайшими учениками и сотрудниками чрезвычайная весть о высшем Центре Знания, об Учителях человечества – Махатмах, поразила и вначале даже ослепила человека западной культуры, привыкшего воспринимать все сквозь призму анализа или даже скептицизма. С огненным мужеством Блаватская свидетельствовала, что где-то на Востоке, под сенью недоступных вершин Гималаев, обитают самые возвышенные Существа, принадлежащие к Светлому роду Великих Душ и Адептов человечества; что Они достигли полной власти над своей низшей природой и, не связанные свойствами и рамками "человека во плоти", пребывают там исключительно для блага человечества; что Им присущи самые обширные и глубокие знания и величайшая полнозвучность жизни; что Они – те великие Посвященные, Наставники человечества, от которых мы получили и неизменно получаем познания высшей истины.

В свое время в теософской литературе Англии и Америки немало обсуждался этот иерархический принцип. Но если сознанию Запада он казался чем-то совершенно новым, даже спорным, для духовного сознания Востока он был не более необычен, чем воздух, которым оно дышим. Насколько глубоко лучшие сердца Востока были уверены в существовании Учителей высшего Знания, показывает яркий пример, о котором упоминает Е. Писарева в труде о Блаватской ([34], с. 40): в связи с обвинением Блаватской в фиктивности ее общения с будто бы несуществующими Учителями Мудрости, в американской газете "Boston Courier" за 18 июля 1886 г. появился протест, подписанный 70 пандитами-учеными из Негапатама, колыбели знатоков древних религиозных учений Индии. Эти ученые мужи утверждали, что Махатмы ни в коем случае не измышление Блаватской, но Высшие Существа, в существование которых никто из просвещенных индусов не сомневается и которых "знали наши деды и прадеды и с которыми и в настоящее время многие индусы, ничего общего с Теософским обществом не имеющие, находятся в постоянных сношениях. Мы владеем многими средствами для доказательства достоверности этих фактов, но у нас нет ни времени, ни охоты доказывать это европейцам" *. Эту статью затем перепечатали многие газеты в разных странах.

* См. также: Желиховская В. П. Е. П. Блаватская и современный жрец Истины. СПб., 1893. с. 85-6. - Примеч. пер.

Также ближайшие друзья и последователи Е. П. Блаватской были свидетелями тому, что жизнь ее самой, после того как она приняла чашу своей великой миссии, была, можно сказать, непрерывным духовным общением со Старшими Братьями человечества и что Махатмы неоднократно посещали ее лично в физическом теле, о чем в свое время рассказывали многие европейцы и индусы в своих воспоминаниях. Она получила от Махатм множество писем, часто феноменальным образом, а также и иные знаки дружбы и указания, и самое яркое тому свидетельство - это ее Доктрина, созданная вместе с Великими Духами. Уже в детстве она с глубочайшим чувством рассказывала о том, как перед нею нередко появлялся величественный облик индуса в белой чалме, которого она знала так хорошо, как и своих близких, и который неоднократно спасал ее в минуты опасности ([34], с. 33). * Эта пламенная подвижница, героический дух великой бесстрашной воли, осталась преданной своему Учителю "до последнего своего вздоха", несмотря на невероятные препятствия, жестокие нападки и ужасные страдания. Жизнь ее шла стезею напряженного труда и жертвы, ибо, как верная ученица, она исполняла волю своего Гуру. Ее огромные заслуги во благо человечества и по сей день совершенно не оценены.

* Ее ученик Синнетт описывает случай из последнего периода жизни Блаватской, когда в Бомбее она так тяжело заболела, что была уверена в своем уходе. Тогда она получила приказ немедленно отправиться в Гималаи, через границу Сиккима, в Ашрам Учителей, откуда она спустя три дня вернулась выздоровевшей ([92], с. 152-5).

Во время жизни Блаватской некоторые из Махатм появлялись в физическом теле и перед несколькими другими ее сотрудниками, конечно заслужившими это. Сохранилась благоговейно-трепетные рассказы очевидцев.

Приведем здесь некоторые из них, оставленные нам как высоко интеллектуальными, так и глубоко духовными людьми, правдивости слов и экстатической силе убежденности которых мы не можем не верить.

Все они говорят о том, что эту краткую встречу с Махатмой, своим Учителем, они переживали как миг высочайшего блаженства своей жизни, и притом как самую истинную, бесспорную реальность.

Генри Олькотт, второй из основателей Теософского общества, в своих воспоминаниях так описывает самое значительное событие своей жизни:

"...Я повернул голову, и от изумления книга выпала у меня из рук: надо мной возвышалась статная фигура человека Востока, в белом одеянии и янтарно-желтом полосатом головном платке или тюрбане, вышитом шелком. Длинные, черные как смоль волосы ниспадали из-под тюрбана до плеч; его черная борода, разделенная по обычаю раджпутов у подбородка, вилась по краям и доходила до ушей; в глазах его горел огонь духа, и взгляд их был одновременно приветливый и пронизывающий, - глаза наставника и судьи, но с любовью отца смотрящие на сына, которому нужен совет и руководство. Его облик был столь величественным, настолько преисполненным нравственной силы, столь лучезарно духовным и настолько превосходящим обычного человека, что я смешался в Его присутствии - и преклонил голову и опустился на колени, как это делают перед Богом или существом, подобным Богу. Его рука слегка осунулась моей головы, мягкий, но сильный голос велел мне сесть, и когда я поднял глаза, Посетитель уже сидел на стуле по ту сторону стола. Он сказал, что пришел ко мне в критический момент, когда я нуждаюсь в Нем; что к этому привели меня мои действия; что только от меня самого зависит, будем ли мы часто встречаться в этой жизни как сотрудники общего блага; что большая работа должна быть выполнена ради человечества и что я имею право участвовать в ней, если пожелаю; что таинственная связь, которую сейчас не время объяснять мне, свела меня и мою единомышленницу, - и эту связь нельзя разорвать, какой бы напряженной она временами ни была. Он рассказал мне о некоторых вещах, касающихся Е. П. Б., - их я не вправе повторять, - а также обо мне самом, что не имеет отношения к другим. Я не могу сказать, как долго он оставался: возможно, полчаса, а может быть и час, - мне это показалось одной минутой, настолько я не замечал, как летит время. Наконец Он поднялся, Я был изумлен Его высокому росту и странному сиянию, исходящему от

Его лица, - это был не наружный блеск, но мягкое свечение, так сказать излучение внутреннего света - свет духа. Внезапно мне на ум пришла мысль: "А что если все это лишь галлюцинация? Что если это Е. П. Б. загипнотизировала меня? Вот если б у меня остался какой-нибудь вещественный предмет, который бы подтвердил, что Он действительно был здесь; что-нибудь такое, что можно было бы подержать в руках после того, как Он уйдет!" С доброй улыбкой Учитель, как будто читая мои мысли, размотал "фехту" со своей головы, благожелательно поприветствовал меня на прощание и - исчез: стул его был пуст; я был один в своем душевном волнении! И все же не совсем один, ибо на столе лежал вышитый головной платок - вещественное и прочное доказательство, что меня не околдовали и не сплазили физически, но что я находился лицом к лицу с одним из Старших Братьев человечества, с одним их Учителей нашей нерадивой незрелой расы" ([79], с. 379-80; [58], с. 21-3).

Вот что пишет индус Дамодар Маваланкар, человек редкой преданности и самоотверженности духа и тончайших душевных качеств. Будучи родом из гордой и богатой семьи браминов, он добровольно отказался от своей касты и богатств, чтобы как можно лучше служить Учителям. Еще в юности ему, больному горячкой и лежащему при смерти, в видении являлся возвышенный и добрый Учитель, сказавший ему, что он не умрет и что его ждет благой труд. Также поразительна была преданность Дамодар Блаватской, малейшее желание которой он принимал как неукоснительный приказ. Несколько раз он встречал своего любимого Учителя лицом к лицу. Однажды он внезапно исчез с того места, где жил, - рассказывает о нем Клод Брэгдон, - и вернулся обратно после 60 часов отсутствия: "Он побывал в Ашраме своего Учителя, пройдя там известную подготовку. Он ушел туда тонко сложенным, бледным, похожим на ученика юношей, хрупким, робким и застенчивым. Когда он вернулся, бронза на его лице оливкового цвета стала несколькими оттенками темнее; он выглядел сильным, выносливым и ловким, смелым и энергичным. Перемена была разительна, что друзья едва признали его. Вот как сам он описывает пережитое:

"...Мне посчастливилось быть позванным и получить разрешение посетить святой Ашрам, где я провел

несколько дней в благословенном обществе нескольких Махатм Гимавата и Их учеников. Там я встретил не только своего любимого Гурудэва вместе с учителем полк. Олькотта, но и нескольких других членов Братства, включая одного из Высочайших. К сожалению, в высшей степени личный характер моего посещения этих трижды благословенных мест не позволяет мне рассказать об этом больше. Достаточно и того, что место, которое мне было разрешено посетить, находилось в Гималаях, а не в какой-нибудь фантастической Стране вечного лета, и что я созерцал своего Учителя, будучи в своем физическом теле, и Он был совершенно таким же, каким я видел Его в первые дни моего ученичества. И так я лицезрел своего любимого Гуру не только как живого человека, но и воистину юношей в сравнении с другими Садху в этом благословенном обществе... На другой день после моего прибытия мне было разрешено беседовать с моим Учителем больше часа" ([65], с. 456-7; [58], с. 33-4).

Еще один пример огненной преданности духа - Рамасвир, также ученик Блаватской, который в письме к своему другу описывает встречу с Гималайским Махатмой. Услышав голос своего любимого Учителя, зовущего его ставить все и следовать за Блаватской, он, не теряя ни мгновения, тотчас же отправился в путь, ибо этот Голос был для него "божественным звучанием в природе, и приказ его - безотлагательным". Когда он прибыл в Бомбей, Блаватская в это время уже отправилась дальше и достигла Дарджилинга, близ границы Тибета, где, по всей вероятности, уже встретились с Гималайскими Махатмами. Готовясь снова в дальнейший путь, она не хотела, чтобы ее беспокоили, и никого не принимала, в том числе и Рамисваира. В отчаянии он решил, какая бы судьба его не постигла, перейти границу Тибета, найти своего Гуру или же погибнуть в поисках его. Один, в одежде паломника, почти без средств, не зная языка и не имея разрешения на переход границы, он отправляется в опасный путь, решив достигнуть средней части "запрещенной зоны", зная, что случись с ним что-нибудь, и никто не сможет ему помочь. Он пробирался все глубже в область Сиккима, вокруг простирались непроходимые джунгли, и не раз на пути ему встречались хищные звери. Но сердце его было настолько преисполнено желанием найти своего Гуру, и сознание его было так

сосредоточено на единственном облике, что ни на мгновение не поддавался он страху, ни беспокойству. В пути он едва избежал смерти, но великое упование на Высшую Волю спасло его от руки разбойника.

И наконец, вблизи границы Тибета, он увидел божественное чудо своего сердца, Того, кого сердце его так беззаветно искало. Он так описывает эту встречу:

"Я думаю, время было между восемью и девятью часами утра. Я направлялся по дороге в один из городов Сиккима, где, как меня уверяли встречные, я мог бы легко перейти тибетскую границу в своей одежде паломника, когда вокруг увидел одинокого всадника, мчавшегося по направлению ко мне. По его статной фигуре и ловкости, с какой он управлял лошадь, я подумал, что это, должно быть, один из военных офицеров сиккимского раджи. Значит, все кончено. Сейчас он спросит мой паспорт и поинтересуется, по какому делу я прибыл на территорию независимого Сиккима, быть может даже арестует меня и вышлет обратно, если не того хуже. Когда он приблизился ко мне, он осадил коня. Я взглянул на него - и мгновенно узнал Его... Благоговейный трепет охватил меня, ибо я стоял перед Махатмой - перед ликом моего высокого Гуру, которого я раньше видел в Его тонком теле. Это был Он, "Гималайский Брат"!.. В тот же миг я простерся на земле у Его ног. Я поднялся по Его приказу и, тихо глядя на Него, совершенно забылся в созерцании Его лика, который я так хорошо знал по портрету... Я не мог ничего сказать: радость и благоговение лишили меня языка.

Величественность Его Облика, который казался мне олицетворением мощи и мысли, внушала мне восторг и благоговейный страх. Я находился лицом к лицу с Махатмой Гимавата, и Он не был мифом или же "созданием воображения медиума", как сказали бы скептики. Это не было ночным сновидением, ибо время было между девятью и десятью часами утра. Солнце сияло и было молчаливым свидетелем происходящего. Я вижу Его перед собой во плоти и крови, и Он говорит со мной с добротой и мягкостью. Мог ли я ожидать большего? От избытка счастья я утратил дар речи, и прошло некоторое время, прежде чем я смог произнести несколько слов, ободренный Его благостными словами...

Когда прошли первые мгновения удивления и восторга и я успокоился и свыкся с происходящим, мы долго беседовали с Ним... Он сказал, чтобы я терпеливо ждал, если хочу быть принят в ученики; что многие предлагали себя в кандидаты, но лишь очень немногие оказались достойными...

И теперь, когда я видел Махатму во плоти и слышал Его живой Голос, пусть никто не осмелится сказать мне, что Братья не существуют. Теперь будь что будет, никакая смерть, никакая месть врагов не могут меня утратить, ибо я знаю то, что знаю!"

* * *

Закончим наш труд одухотворенной поэзией из книги "Братство": "Странники могут постучаться. Странники могут рассказывать о том, что за дальними пустынями, за горами, за снегами в несменном служении пребывают Великие Души.

Странники не скажут, были ли они в Обители. Странники не произнесут слово Братство, но каждый слушатель поймет, о каком Средоточии Знания говорится. Сеятели добрые идут по миру, когда содрогается человечество.

Люди хотят слышать об Оплоте, о Твердыне. Если они и не дослышат об уставе, они все же окрепнут от одной вести, что жива Твердыня Знания. Лотос сердца трепещет от приближения сроков.

О существовании Братства радуйтесь!" (610).